PG 3320
.A1 S43
1861

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1918

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

CYR4-PG-4000

Shumskiĭ

ШУМСКІЙ.

ЛИСТОКЪ

ИЗЪ

ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ СВЯЩЕННИКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Лермантова и Комп., Караванная, № 24.
1861.

95-200433

PG3320
.A1543
1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30 Марта 1860 года.

Цензоръ *Новосильскій*.

95-200433

Въ Н.....ской Губерніи, на правомъ берегу рѣки Волхова, находится село Г...ино. Чудное это село! Оно издали кажется городомъ съ безконечными садами и красивыми зданіями. На первомъ планѣ представляется огромный, каменный, трехъ этажный домъ, назначенный для кадетскаго корпуса, за нимъ высится большой, окруженный колоннами куполъ собора и золотой шпицъ колокольни; а тамъ, въ разныхъ мѣстахъ, выглядываютъ зеленыя и красныя кровли разныхъ зданій, за которыми безконечный садъ сливается съ горизонтомъ. Видъ Г...ина тѣмъ болѣе пріятенъ, что въ этомъ мѣстѣ берега Волхова низки, плоски и опушены мелкимъ лѣсомъ; однобразіе ихъ утомительно и скучно — точно необитаемая пустыня, гдѣ не видно никакой жизни, и послѣ такой скучной и безжизненной мѣстности, вдругъ изъ-за колѣна рѣки возстаетъ

цѣлый городъ, окруженный воздѣланными полями, которыя пересѣкаются дорогами во всѣхъ направленіяхъ. Дороги эти очень замѣтны: онѣ обсажены березками и, сливаясь съ садомъ и паркомъ, кажутся однимъ общимъ безконечнымъ садомъ. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Г...ину, тѣмъ яснѣе представляются окружающіе его предметы; но самое Г...ино остается все еще загадкою: городъ ли это, или мыза? Огромный домъ заслоняетъ всѣ детали Г...ина. Надо пройти этотъ домъ, чтобъ видѣть самое Г...ино.

Когда войдешь на площадь, гдѣ соборъ, тогда только объяснится, что это мыза вельможи, многоистратившаго денегъ на украшеніе своего жилища.

Противъ алтаря собора, на откосѣ холма, на красивомъ мѣстѣ, откуда можно видѣть далеко окрестности Г...ина, воздвигнутъ чугунный изящный храмъ въ іоническомъ вкусѣ; въ немъ, подъ шатромъ, утвержденномъ на шестнадцати ростральныхъ колоннахъ, поставлено колоссальное бронзовое изображеніе св. апостола Андрея Первозваннаго — подарокъ императора Александра

Благословеннаго владѣльцу Г...ина, А***. Надобно полагать, это сдѣлано не безъ значенія: есть преданіе, что Г...ино посѣтилъ св. апостолъ Андрей, когда онъ путешествовалъ къ скиѳамъ и славянамъ.

На сѣверной сторонѣ собора замѣчателенъ по своему изяществу памятникъ. Онъ состоитъ изъ пяти бронзовыхъ фигуръ, чрезвычайно-изящной и отчетливой отдѣлки. На нижнихъ уступахъ гранитнаго пьедестала, по обѣимъ его сторонамъ, расположены двѣ фигуры въ сидячемъ положеніи: съ правой—русскій воинъ съ щитомъ, а на лѣвой — Европа, въ видѣ женщины, попирающая ногою переломленное ярмо и окруженная аттрибутами, выражающими ея богатство и образованность. На самомъ верху пьедестала поставлены три бронзовыя фигуры, изображающія вѣру, милосердіе и надежду; онѣ поддерживаютъ грудной бюстъ, на голову котораго милосердіе возлагаетъ вѣнецъ изъ золотыхъ звѣздъ. Отъ памятника по обѣимъ сторонамъ площади построено шесть деревянныхъ домиковъ, очень-чистенькихъ, но про-

стыхъ и несовсѣмъ-красивыхъ; они упираются въ края каменнаго двухъэтажнаго дома—жилища покойнаго графа А***. Домъ устроенъ въ срединѣ сада, спускающагося подъ гору—направо къ прудамъ и налѣво къ Волхову.

Мнѣ въ первый разъ случилось пріѣхать въ Г...нно весной въ 185* году. Удивительно-хорошъ показался мнѣ садъ Г...нна, расположенный на холмѣ. Отъ графскаго дома по своему протяженію сада къ сѣверу тянутся въ два ряда аллеи вѣковыхъ липъ, и отъ нихъ идутъ дорожки во всѣ стороны, ведущія къ гротамъ, бесѣдкамъ, къ изящнымъ чугуннымъ мостикамъ, перекинутымъ черезъ пруды; но на меня сдѣлала грустное впечатлѣніе его безлюдность. Въ немъ тишина, только изрѣдка-прерываемая щебетаньемъ птицъ: человѣческихъ шаговъ не было слышно. «Почему», думалъ я, «такъ безлюдно это мѣсто? для чего тратилъ покойный владѣлецъ столько денегъ и трудовъ? Зачѣмъ заброшено людьми такое прекрасное мѣсто?» Эти вопросы навѣяли на меня

грусть и я машинально, не замѣчая ничего, бродилъ по саду.

Незамѣтно я вернулся къ графскому дому и отъ него, мимо домиковъ и памятника, подошелъ къ собору. Я попросилъ позволенія осмотрѣть соборъ. Пока принесли ключи, я сталъ разсматривать наружность собора. Корпусъ собора квадратный въ два свѣта; верхнія окна, впрочемъ, очень-малы; къ восточной и западной стѣнамъ собора придѣланы портики, съ шестью колоннами каждый. Огромная глава собора не соотвѣтствуетъ корпусу: она давитъ его. На западной сторонѣ собора, на разстояніи саженей десяти отъ него, на краю холма стоитъ массивное зданіе колокольни въ три этажа, съ высокимъ золоченнымъ шпилемъ.

Верхній этажъ колокольни, вмѣстѣ со шпилемъ, весь чугунный. Кровля и шпиль утверждены на восьми колоннахъ; эти колонны въ срединѣ пустыя, и когда ихъ ставили, подъ нихъ А*** положилъ нѣкоторые важные историческіе документы подъ стеклянными колпаками. Съ какою

цѣлью онъ это сдѣлалъ—неизвѣстно; но что они дѣйствительно есть—это несомнѣнно: мнѣ говорилъ очевидецъ, который и теперь еще живъ.

Въ это время отперли соборъ, и я вошелъ. Внутренность собора расположена крестообразно. Въ немъ три придѣла. Главный въ немъ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, съ правой стороны во имя трехъ святителей: Петра, Алексѣя и Іоны, а съ лѣвой во имя св. апостоловъ Петра и Павла; въ этомъ придѣлѣ погребенъ А***. Внутренняя отдѣлка собора изящна и всѣ части строго-соразмѣрны между собою. Куполъ внутри гораздо-менѣе, чѣмъ снаружи и гармонируетъ съ цѣлостью зданія.

Надъ могилою графа къ стѣнѣ придѣланъ памятникъ императору Павлу I; основаніе памятника изъ краснаго гранита; на немъ продолговатый пьедесталъ шоксенскаго мрамора и бронзовый алтарь; на верху алтаря положены императорскія регаліи. Съ лѣвой стороны памятника стоитъ на колѣняхъ молящійся воинъ съ обнаженной головой. На памятникѣ написано: «Сердце чисто и

духъ правъ предъ тобою». По стѣнѣ, вверху памятника, идетъ бронзовая вызолоченная дуга, съ знаками зодіака, изображающими мѣсяцы рожденія, воцаренія и смерти императора Павла 1-го; надъ нею бронзовый силуэтъ императора Павла I въ сіяніи, а въ самомъ верху написано: «Чувствія облаготворенпаго».

На могилѣ графа А*** плоскій гранитный камень съ надписью; «Да пребудетъ и прахъ мой у подножія изображенія твоего. На семъ мѣстѣ погребенъ русскій новгородскій дворянинъ А***, родился 1769 года сентября 23 дня, умеръ 1834 года апрѣля 21 дня».

Въ ногахъ бронзовый ангелъ, въ сидячемъ положеніи, держитъ въ одной рукѣ образъ Знаменія Божіей Матери, а въ другой-лампаду. На ангела надѣтъ не большой финифтевый образъ съ изображеніемъ святыхъ: Алексѣя митрополита и мученицы Анастасіи; а съ другой стороны надпись: «Двухъ христіан. друзей. Дни тезоименитства 5 октября трехъ святит. москов. Петра., Алексія, Іоны, 29 октября муч. Анастасіи. Дни рожденія 23 сентя-

бря Зачатіе Предчети, 29 марта преподоб. Марка».

Отъ памятника я перешелъ къ главному алтарю. Здѣсь, у сѣверныхъ дверей, на стѣнѣ прибита мѣдная доска съ надписью о пожалованіи А*** въ генералы-отъ-инфантеріи.

У южныхъ дверей на мѣдной доскѣ надпись о пожалованіи Павломъ I села Г...ина нынѣшнему ея владѣльцу.

Въ углахъ стѣнъ, поддерживающихъ куполъ и противоположныхъ алтарю, повѣшены: образъ апостола Андрея Первозваннаго, съ другой стороны бронзовый портретъ императора Петра I. На другой стѣнѣ портретъ императора Павла I и портретъ императора Александра I. Подъ образомъ апостола Андрея Первозваннаго, въ бронзовой рамѣ, за стекломъ, положена книга съ надписью: «Положеніе о г...инскомъ мірскомъ заемномъ банкѣ». Подъ портретомъ императора Петра I, бронзовый гербъ князя Меншикова съ надписью: «Г...инская вотчина, бывшая во владѣніи монастырей, пожалована государемъ императоромъ

Петромъ Первымъ князю Александру Даниловичу Меншикову». Подъ портретомъ императора Павла бронзовый гербъ графа А*** съ надписью: «Г...инская волость, въ двухъ тысячахъ душахъ состоящая; пожалованная государемъ императоромъ Павломъ Первымъ въ вѣчное потомственное владѣніе графу Алексѣю А***, 1796 года, декабря въ 12 день».

Подъ портретомъ императора Александра, въ бронзовой рамѣ, рескриптъ его къ графу съ похвалою ему за устройство г...инской вотчины и двѣ бронзовыя доски съ надписями годовъ и чиселъ, когда посѣщалъ А*** въ Г...инѣ императоръ Александръ I.

Потомъ перешелъ я въ алексѣевскій придѣлъ. Здѣсь замѣчателенъ образъ противъ лѣваго клироса; на немъ изображены св. апостолъ Андрей, Алексѣй и Петръ митрополиты, праведная Елисавета и мученица Анастасія; надъ ними, въ облакахъ, апостолъ Павелъ одною рукою благословляетъ, въ другой держитъ книгу съ изображе-

ніемъ императора Павла I, въ мундирѣ его времени.

Въ этомъ придѣлѣ также есть памятникъ, придѣланный къ стѣнѣ противъ памятника императору Павлу I, съ которымъ онъ очень-сходенъ. Кругомъ памятника арматура изъ воинскихъ доспѣховъ того времени и шесть знаменъ а.....скаго гренадерскаго полка. На пьедесталѣ написаны бронзовыми буквами имена офицеровъ полка, павшихъ въ отечественную войну. Надъ памятникомъ золоченая дуга съ надписью: 1812, 1813 и 1814 годовъ.

Наконецъ, меня ввели въ комнату, устроенную противъ петропавловскаго придѣла. Въ ней хранятся сосуды и библіотека. Здѣсь мнѣ показали граммату, данную митрополитомъ С. г.....скому собору, по ходатайству графа А***.

«По уваженію онаго весьма для святыя церкви Нашея достопамятнаго событія, о коемъ какъ въ слѣдовательной Псалтири, такъ и въ другихъ разныхъ мѣстахъ упоминается, что святый Апо-

столъ Андрей Первозванный, проходя изъ полуденнаго края, былъ въ селѣ Г...инѣ и водрузилъ въ немъ жезлъ свой, отчего получило оно и наименованіе Друзино, по простонародному же реченію Г...ино, и чрезъ таковое мѣста сего посѣщеніе, или паче проповѣдь свою, открылъ онъ предкамъ нашимъ, тьмою идолопоклонства омраченнымъ, двери къ спасительной вѣрѣ въ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, благословляемъ мы въ соборной села Г...ина церкви, имени сего святаго Апостола посвященной, богатою утварью и ризницею снабженной и превеликолѣпно украшенной, совершать Божественную литургію при отверстыхъ царскихъ вратахъ во все продолженіе оной, даже до причастнаго стиха, при началѣ коего оныя должны, исключая Св. Пасхи, быть затворенными для великой тайны Евхаристіи. Совершать такимъ же образомъ литургію не всегда, а только во дни воскресные, господскіе высокоторжественные дни, въ храмовой праздникъ и при другихъ какихъ либо важныхъ случаяхъ. 26 марта 1825 года.»

Въ-силу этой грамматы, и теперь въ г...нскомъ соборѣ совершается литургія съ отверстыми царскими вратами по праздникамъ.

Здѣсь я видѣлъ нѣсколько изящныхъ серебряныхъ и вызолоченныхъ потировъ съ надписью на низу ихъ: «Графъ А*** въ г...нскій соборъ въ такомъ-то году». Замѣчательно, что на всѣхъ церковныхъ книгахъ отпечатанъ золотомъ гербъ А*** съ девизомъ: «Безъ лести преданъ»; есть даже одно Евангеліе, на задней серебряной доскѣ котораго награвированъ гербъ А***. Потомъ я осмотрѣлъ богатую ризницу собора, расположенную на хорахъ.

Отъ собора я пошелъ къ югу, къ зданію, назначенному для г...нскаго кадетскаго корпуса. Зданіе это выстроено въ видѣ буквы П, основаніемъ своимъ обращено къ собору и замыкаетъ въ себѣ довольно-большую площадь. Въ срединѣ зданія устроены три арки, служащія входомъ въ Г...нно. Выйдя изъ-подъ арокъ, надо спуститься направо подъ гору, еще поворотить вправо и выйти на площадь, окруженную, съ одной сто-

роны, чугунными рѣшетками, а съ другой, деревянными домами, чтобъ сойти на Волховъ. Съ этой площади къ западу идетъ дамба, обсаженная липами и оканчивающаяся на самомъ Волховѣ двумя башнями.

I.

По важнымъ дѣламъ мнѣ пришлось прожить цѣлый мѣсяцъ въ имѣніи А*** одному; и еслибъ не случайная встрѣча съ умнымъ человѣкомъ, то я, конечно, не умеръ бы отъ скуки, а похудѣлъ бы сильно.

А*** умеръ въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, не оставя послѣ себя наслѣдниковъ, и прекрасная его усадьба стояла пустою.

Дня три я оборонялся отъ скуки, осматривалъ все, что только можно было осматривать, наконецъ все пересмотрѣлъ. Дня два еще прошатался по саду, на третій день, подъ-вечеръ, я замѣтилъ порядочно-одѣтаго человѣка, лѣтъ сорока, въ саду, обрадовался ему, какъ родному брату, и бросился ему на встрѣчу. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ; и еслибъ онъ, на бѣду мою, былъ не-

разговорчивъ, то я взялъ бы его, просто, за воротъ и заставилъ бы силою — хоть не говорить со мной, по-крайней-мѣрѣ-выслушать меня. Но оказалось, что это былъ премилый и образованный человѣкъ—Ефимъ Васильевичъ, часто-ѣздившій въ усадьбу А*** по своимъ дѣламъ. Разговоръ завязался у насъ живой; намъ обоимъ хотѣлось поговорить. Наконецъ, когда началъ истощаться запасъ нашихъ впечатлѣній, я первый сталъ жаловаться на скуку и одиночество.

— Вольно же вамъ, отвѣтилъ мнѣ Ефимъ Васильевичъ на мои жалобы: — бродить здѣсь по саду одному.. Вы бы вышли на берегъ рѣки, къ перевозу: тамъ есть скамейка; вы бы на ней посидѣли и давно бы познакомились и со мной и съ здѣшнимъ священникомъ, который—замѣчу вамъ—оченѣ умный человѣкъ.

— Часто онъ бываетъ тамъ? спросилъ я.

— Почти каждый день вечеромъ, въ это время, если не занятъ службою.

— Такъ пойдемте, пожалуйста, къ перевозу,

сказалъ я: — навѣрно тамъ встрѣтимъ и священника.

— Пожалуй, пойдемте, сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

Вотъ, мы пришли къ перевозу, сѣли на скамью. Видъ, правду сказать, былъ неочень-живописенъ; рѣка Волховъ течетъ въ плоскихъ и болотистыхъ берегахъ, за-то здѣсь очень-мало было комаровъ и сносно было сидѣть.

— А вотъ и батюшка идетъ! сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

Я обернулся въ ту сторону, куда указалъ мнѣ Ефимъ Васильевичъ. Ровной и солидной поступью шелъ къ намъ священникъ, немного склонивъ голову. Онъ былъ лѣтъ около сорока. Небольшіе каріе глаза свѣтились умомъ; черты лица его были пріятны и правильны, а каштановая клинообразная борода еще болѣе придавала красоты. Онъ былъ высокаго роста и плотнаго сложенія.

Священникъ, поздоровавшись, сѣлъ съ нами на скамью.

— Вотъ молодой человѣкъ умираетъ здѣсь отъ скуки, сказалъ священнику Ефимъ Васильевичъ.

— Немудрено, отвчѣчалъ священникъ: — наша уединенная жизнь тяжела для горожанъ, привыкшихъ къ шуму.

— А вы развѣ не скучаете здѣсь? спросилъ я священника.

— Нѣтъ.

— Просто, батюшка, что называется, въѣлся въ эту жизнь, потому и не скучаетъ, замѣтилъ Ефимъ Васильевичъ.

— Лѣтомъ еще, пожалуй, можно какъ-нибудь перебиваться, а зимой? Вотъ тоска-то здѣсь жить одному! сказалъ я.

— Бываетъ время, что и взгрустнется, отвѣтилъ священникъ: — но болѣе оттого, что нельзя быть постоянно въ одинаковомъ расположеніи духа; иногда бываютъ и другія причины: заботы, непріятности — мало ли чего бываетъ!

— Что ни говорите, а здѣсь очень-скучно. Пустота страшная! замѣтилъ я.

— Грустное впечатлѣніе дѣлаетъ на всѣхъ наша мыза, кто пріѣзжалъ сюда, сказалъ священникъ.

— Это, я думаю, оттого, что всякій, кто пріѣзжаетъ сюда, надѣется встрѣтить много людей, смотря на эти огромныя строенія, а между-тѣмъ никого не находитъ. Разочарованіе это поневолѣ поселитъ въ сердцѣ тоску, сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

— Большое имѣетъ вліяніе, отвѣтилъ священникъ:—но здѣсь есть еще тайная причина, которая выглядываетъ во всякомъ предметѣ.

— Какая же это причина? спросилъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Уже-ли вы не замѣтили ее? она такъ осязательна, отвѣтилъ священникъ.

— Право не придумаю, сказалъ я,

— Какъ вы думаете, для чего А*** устроивалъ эту усадьбу? спросилъ священникъ.

— Конечно, для собственнаго удовольствія, отвѣтилъ за меня Ефимъ Васильевичъ.

— Пожалуй, и такъ, сказалъ священникъ:— но его удовольствіе не въ томъ состояло, что онъ самъ любовался своею усадьбою, а въ томъ, что для него было удовольствіемъ, когда другіе любовались.

— Вы, кажется, хотите сказать, что А*** устроивалъ свою усадьбу изъ тщеславія, сказалъ Ефимъ Васильевичъ!

Именно такъ, замѣтилъ священникъ.

— Не слишкомъ ли строгъ будетъ вашъ приговоръ, батюшка? сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

— Нимало. Вы всмотритесь хорошенько въ каждый предметъ, и онъ вамъ дасть понять, что все это дѣлано подъ руководствомъ суетнаго тщеславія — увѣковѣчить свое имя на землѣ однимъ наружнымъ блескомъ.

— Положимъ, что и такъ, отвѣтилъ Ефимъ Васильевичъ.—Что вы находите тутъ дурнаго?

— Напрасный трудъ, сказалъ священникъ.

— Напрасный трудъ, когда онъ погибаетъ безъ слѣдовъ, сказалъ Ефимъ Васильевичъ: — а

усадьба эта осталась послѣ владѣльца, и послѣ насъ еще долго оставаться будетъ.

— Но ужъ не въ томъ видѣ, какъ была при владѣльцѣ, замѣтилъ священникъ. — Она теперь уже начинаетъ глохнуть и никому не приноситъ никакой пользы.

— Ну, да А*** не виноватъ, что у него не было наслѣдниковъ. Еслибъ наслѣдникъ былъ, онъ бы и пользовался ею, отвѣтилъ Ефимъ Васильевичъ.

— У А*** былъ наслѣдникъ, сказалъ священникъ.

— Какъ! Кто такой? Я этого еще не зналъ. Разскажите, пожалуйста! сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

— Шумскій, сказалъ священникъ.

— Что же, онъ былъ близкій родственникъ? спросилъ Ефимъ Васильевичъ.

— А*** считалъ его очень-близкимъ, а вышло, что онъ ему совсѣмъ не родня, отвѣтилъ священникъ.

— Да какъ же это такъ? спросилъ Ефимъ Васильевичъ.

— Теперь разсказывать эту исторію поздно: пора идти домой мнѣ. А вотъ придите завтра ко мнѣ вечеромъ, я вамъ прочитаю исторію жизни Шумскаго, написанную мною со словъ его. До, свиданія, сказалъ онъ, всталъ и ушелъ.

Мы съ Ефимомъ Васильевичемъ побродили немного по берегу и разстались, условившись сойтись вмѣстѣ завтра вечеромъ у священника.

II.

На другой день вечеремъ мы собрались у священника и, усѣвшись уютно въ гостиной за чаемъ, приготовились слушать обѣщанный разсказъ. Священникъ принесъ большую тетрадь и началъ читать намъ:

Въ февралѣ 184. года одинъ день какъ-то крѣпко былъ непогодливъ; вьюга бушевала цѣлый день, а къ вечеру усилилась такъ, что свѣту божьяго не было видно. Былъ часъ одинадцатый вечера, и я совсѣмъ собрался лечь спать. Только хотѣлъ задуть свѣчу, слышу, какъ-будто кто-то стучится въ ворота. Не вѣтеръ ли такъ проказитъ, подумалъ я, а, можетъ-быть, и странникъ проситъ пріюта. Я всталъ, отворилъ форточку, чтобъ взглянуть на улицу, но мнѣ все лицо обдало снѣгомъ; я долженъ былъ отшатнуться отъ

окна, чтобъ отереть себѣ лицо. Въ это время стукъ въ ворота раздался внятно. Кто тамъ? спросилъ я. На вопросъ мой кто-то тихо отвѣтилъ: «Обороните отъ темной ночи!» Тотчасъ я послалъ служанку ввести ко мнѣ нежданнаго гостя. Вотъ, слышу, скрипитъ снѣгъ подъ ногами людей въ сѣняхъ: отворили прихожую.. «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» едва-слышно кто-то проговорилъ коснѣвшимъ языкомъ. «Аминь», сказалъ я — надобно сознаться, не совсѣмъ охотно. Мнѣ показалось, что посѣтитель былъ не совсѣмъ трезвый, но принять было надобно.

— Милости прошу, сказалъ я, отворяя двери, и ко мнѣ едва вошелъ неровными шагами человѣкъ высокаго роста; но въ чемъ онъ былъ одѣтъ—рѣшительно нельзя было узнать: онъ весь былъ въ снѣгу. Длинные его волосы примерзли къ бородѣ и въ безпорядкѣ падали на лицо. Тотчасъ я позвалъ прислугу и началъ раздѣвать его; самъ онъ не могъ раздѣваться: члены его окоченѣли отъ холода. Когда съ него сняли верхнюю одежду, видно стало, что это былъ послушникъ

изъ какого-нибудь монастыря. На немъ было надѣто два подрясника, одинъ на другой. Верхній, снятый нами, изъ толстаго чернаго сукна на ватѣ и на холстинной подкладкѣ, нижній изъ такого же сукна, только безъ ваты,—одежда слишкомъ не удобная для зимняго путешествія. Тепло въ моей комнатѣ было причиною, что съ нимъ сдѣлалась лихорадка; онъ, въ изнеможеніи, упалъ на диванъ, трясясь всѣмъ тѣломъ и щелкая зубами. Вотъ почему нечаянный мой гость показался мнѣ пьянымъ.

Подали чай. Съ трудомъ онъ выпилъ первый стаканъ; блюдцо прыгало въ его рукахъ, и чай плескался во всѣ стороны. Съ третьимъ стаканомъ чая онъ согрѣлся немного, но за-то овладѣла имъ дремота и зѣвота. Я предложилъ ему выпить вина и закусить: онъ отказался. Я уложилъ его въ постель и окуталъ потеплѣе.

На другой день я всталъ къ утрени. Было пять часовъ утра. Смотрю, мой гость потянулся, сладко зѣвнулъ и прикрылся одѣяломъ: видно было, что онъ хотѣлъ встать, но стѣснялся мо-

имъ присутствіемъ. Я вышелъ въ другую комнату и, минутъ чрезъ десять вернувшись, увидѣлъ гостя моего совсѣмъ одѣтымъ; онъ держалъ въ рукахъ колпакъ свой: ясно было, что онъ намѣренъ былъ уйти.

— Куда вы? спросилъ я.

— Въ церковь, помолиться, отвѣчалъ онъ скромно.

— Не будетъ ли вредно для васъ выходить на холодъ? Вы вчера сильно прозябли. Я думаю, вамъ не мѣшало бы посидѣть хоть одинъ день въ теплѣ.

— Ничего, я къ этому привыкъ.

— Пойдемте же вмѣстѣ, сказалъ я, когда видѣлъ, что его намѣреніе идти въ церковь было рѣшительно.

Отъ моего дома до церкви будетъ добрыя полверсты. Впрочемъ, намъ дорогой было не до разговоровъ. Снѣгу за ночь набило столько, что въ другомъ мѣстѣ мы уходили почти по поясъ. Едва мы добрались до церкви. До обѣда я былъ занятъ службою, потому не могъ переговорить

съ нимъ; и когда уже мы послѣ обѣда остались въ моей комнатѣ одни, Шумскій сказалъ мнѣ:

— Простите, батюшка, моему невѣжеству; я не сказалъ еще вамъ, кто я такой.

Я ничего ему не отвѣчалъ на это.

— Я—послушникъ Отенскаго Монастыря Михаилъ Шумскій.

«Шумскій» подумалъ я, «что-то знакомое», но никакъ не могъ вспомнить.

Онъ, должно-быть, замѣтилъ, что я что-то припоминаю.

— Тотъ Шумскій, который былъ когда-то офицеромъ, а теперь передъ вами смиренный послушникъ, сказалъ онъ.

«Ба»! подумалъ я, «мнимый сынъ А***».

Невольно я пристально вглядѣлся въ него. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, высокаго роста, съ русыми волосами, съ большими голубыми глазами, мутными и утомленными. Лицо его имѣло красивыя черты, но на немъ лежала печать весело-проведенной юности: но уже было въ морщинахъ и блѣклаго цвѣта. Впрочемъ, русые во-

лосы и клинообразная борода скрывали многіе недостатки лица его. Въ походкѣ и манерахъ его еще остались ухватки военнаго.

— Благодарю случай, доставившій мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя въ домѣ, сказалъ я, подавая ему руку.

— А я благодарю васъ за ваше гостепріимство, отвѣтилъ онъ, крѣпко пожимая мою руку.—Прошу вашего благословенія и молитвъ на дорогу, сказалъ онъ, ища глазами дорожной сумы своей.

— Куда вы идете?

— Въ Дымскій Монастырь,

— Дорога дальняя, холодъ сильный, а вы очень-легко одѣты; пока не сдѣлается потеплѣе, я не отпущу васъ, сказалъ я рѣшительно.

— Послушаніе паче поста и молитвы, смиренно отвѣчалъ Шумскій.—Сказать вамъ откровенно: мнѣ пріятно отдохнуть подъ вашимъ гостепріимнымъ кровомъ, но я боюсь отяготить васъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, сѣлъ на стулъ и опустилъ голову.

Мнѣ стало жаль его. Чтобъ перемѣнить тяже-

лый для него разговоръ, я, не думая, кинулъ вопросъ:

— Вамъ не нравится образъ вашей жизни?

— Не нравится!.. сказалъ онъ съ проніей:—просто, такъ тяжелъ, такъ не выносимъ, что я иногда...

— Онъ не договорилъ фразы и еще ниже наклонилъ голову.

Поздно я схватился, что такъ неосторожно дотронулся до больнаго мѣста, но поправить ошибку нельзя было. Я молчалъ.

— Я вижу ваше участіе ко мнѣ, сказалъ Шумскій, взглянувъ на меня:— за него я буду платить вамъ полною моею откровенностью; я разскажу вамъ мою жизнь: по ней вы можете судить о моемъ положеніи. Можетъ-быть, вы не захотите сами слушать ее? Она есть сцѣпленіе ошибокъ, заблужденій, грѣховъ и паденій; утѣшительнаго въ ней ничего не найдете. Какая-то кара тяготѣетъ надо мной; она отравила немногія сладкія минуты моей жизни.

Слова эти были сказаны съ такимъ горемъ, что возбуждали къ нему участіе.

— Не думайте такъ Михаилъ Андрейчъ, сказалъ я ему. Я слышалъ много о васъ; но слышать исторію вашей жизни отъ васъ самихъ для меня будетъ очень-пріятно и интересно. Говорите откровенно: вы найдете во мнѣ истинное участіе и, разсматривая жизнь вашу вмѣстѣ, мы, можетъ-быть, въ ней найдемъ и средство сдѣлать конецъ ея счастливымъ.

— Можетъ-быть!.. Сомнительно, отвѣчалъ Шумскій. — Гонимый всѣми, конечно, за свои вины, я рѣшился избѣгать общества порядочныхъ людей: мнѣ неловко и стыдно встрѣчаться съ ними. Повѣрьте, я никогда бъ не рѣшился зайти къ вамъ, чувство самосохраненія только заставило меня искать у васъ пріюта; я чувствовалъ, что члены мои костенѣли отъ холода, когда я увидѣлъ огонь въ вашемъ домѣ.

— Благодарю Бога, что онъ помогъ мнѣ оказать вамъ помощь! сказалъ я.

— И я благодарю Бога, сказалъ Шумскій, что Онъ привелъ меня въ домъ вашъ: я узналъ здѣсь, что еще добрые люди не отворачиваются отъ

меня съ презрѣніемъ, что я еще несовсѣмъ отвергнутъ Богомъ и людьми.

— Что вы! полноте! отвѣтилъ я:—за что? и какое имѣютъ право люди презирать васъ?

— За что?.. за то, что я самъ презиралъ людей, что пмѣлъ всѣ средства быть полезнымъ людямъ и ни на грошъ не сдѣлалъ пользы; что легкомысленно растратилъ богатые дары, данные мнѣ Богомъ и людьми, что оскорбилъ званіе, которое носилъ... Да мало ли за что? сказалъ онъ, махнувъ рукой.

Шумскій всталъ и началъ ходить по комнатѣ рѣдкими шагами. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ остановился передо мной, вытянувшись во весь ростъ и, съ достоинствомъ поднявъ голову кверху, сказалъ:—Повѣрьте, во мнѣ еще не совсѣмъ угасло сознаніе своего достоинства; я еще не совсѣмъ такъ низко палъ, чтобъ въ моемъ сердцѣ не было добрыхъ чувствъ, чтобъ моя совѣсть была заглушена вовсе.—Нѣтъ! я чувствую, я сознаю, что дѣлаю худо, но не могу совладѣть съ собой и, противъ собственной воли, под-

даюсь моимъ скернымъ привычкамъ, какъ-будто кто-то насильно толкаетъ меня въ эту бездну. Слабъ ли я характеромъ, или есть другая тому невѣдомая причина—не знаю... Да что толковать напрасно! Вы сами все увидите, когда я вамъ разскажу про себя.

Зазвонили къ вечернѣ. Я долженъ былъ отложить разсказъ Шумскаго до другаго, удобнаго времени.

III.

— Что́ сказать вамъ о моемъ дѣтствѣ? говорилъ Шумскій, когда началъ разсказывать свою исторію на другой день вечеромъ. Дѣтство—счастливый, безпечный возрастъ, пролетѣлъ совсѣмъ не такъ пріятно для меня, какъ для другихъ дѣтей. Мать моя болѣе мучила, чѣмъ берегла меня. Это была женщина безъ всякаго образованія, грубая, жестокая; она старалась направить мое воспитаніе къ тому образу жизни, къ которому я назначался. Не имѣя понятія о жизни аристократіи и зная о ней только по наслышкѣ, она старалась привить мнѣ аристократическія манеры и дать мнѣ видъ природнаго аристократа. Я былъ ребенокъ здоровый; яркій румянецъ не сходилъ съ моихъ щекъ: это сильно огорчало мать мою; она старалась придать интересную блѣдность лицу моему, чтобъ я походилъ на аристократа. Для этой цѣли она никогда не давала

мнѣ ѣсть до-сыта и даже поила меня уксусомъ. Еслибъ добрая кормилица, находившаяся при мнѣ въ качествѣ няньки, тайкомъ не кормила бы меня—не знаю, что́ и было бы со мною? Я былъ связанъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. При матери я велъ себя, какъ солдатъ на ученьи: вытянувшись въ струну, важно расхаживалъ, какъ павлинъ, закинувъ голову назадъ. За-то, вырвавшись отъ нея, я вполнѣ вознаграждалъ себя за всѣ лишенія — неудержимо носился по саду и лугамъ до истощенія силъ. Много разъ доставалось и мнѣ и ходившимъ за мною за эти продѣлки. Не смотря на то, что мать готовила изъ меня изящнаго аристократа, она безъ милосердія порола меня розгами. Много было горькихъ сценъ въ это время. Кормилица всегда жалѣла меня и заступалась, когда сбирались меня наказывать; она, со слезами на глазахъ, просила за меня прощенія и помилованія, становилась передъ матерью на колѣни, цѣловала ея руки, называя ее всѣми сладкими именами. Иногда она принимала угрожающее положеніе, говорила: «сейчасъ пойду къ барину

и все разскажу ему, чтобъ ты не смѣла тиранить дѣтище». Угрозы сильнѣе дѣйствовали, чѣмъ ласки: меня оставляли, за то кормилица всегда послѣ этой сцены много плакала и даже стонала. Развивать во мнѣ добрыя чувства вовсе не заботились. Меня учили и молитвамъ, только не для того, чтобъ молиться Богу, а для того, чтобъ я твердо и бойко прочиталъ ихъ, когда вздумается А*** спросить меня. Мнѣ съ младенчества старались привить гордость и презрѣніе къ низшимъ. Если замѣчала мать, что я говорилъ съ мужикомъ, или намѣренъ былъ поиграть съ крестьянскимъ мальчикомъ, она сѣкла меня непремѣнно. Но если я билъ по лицу ногой дѣвушку, обувавшую меня, она смѣялась отъ чистаго сердца. Можете судить, что̀ готовили изъ меня...

Вамъ, можетъ-быть, очень-странно, что я безъ уваженія отзываюсь о матери. Она вовсе не мать мнѣ, какъ вы впослѣдствіи увидите изъ моего разсказа. Впрочемъ, теперь скажу вамъ, кто она была. Мнимая мать моя была жена садовника; ее звали Настасьей Ѳедоровной; она была экономкою

у А***, Настасья (я буду такъ называть ее—болѣе она не стóитъ) была средняго роста, довольно-полная; лицо ея было смугло, черты пріятны; особенно-замѣчательны были ея глаза, большіе, черные, полные огня; волосы черные и жосткіе. Характера она была живаго и пылкаго, а въ гнѣвѣ была безгранична. Она старалась держаться какъ-можно-приличнѣе и всегда одѣвалась въ черное. Самыми близкими къ ней были моя кормилица, Авдотья Филипповна Шепна, и Агаѳоника. Кормилица, женщина веселаго и безпечнаго характера, была очень-красива. Настасья любила ее за веселость нрава и забавлялась, заставляя ее пѣть пѣсни и плясать. Агаѳоника—старуха съ свинымъ рыломъ, хитрая, вкрадчивая. Съ льстивыми рѣчами, съ низкими поклонами, она, какъ змѣя, незамѣтно заползала въ сердце своей жертвы, вывѣдывала всѣ тайны и сообщала ихъ Настасьѣ, которой все извѣстно было, что̀ дѣлается вокругъ нея. Даже она посылала Агаѳонику и за предѣлы своего околотка, если нужно было что-нибудь разузнать; отъ ней ничто не укрывалось, потому-то Настасья

слыла въ народѣ колдуньей. Вотъ между какими людьми я росъ, хоть и недолго! А*** очень любилъ меня и ласкалъ; не разъ я сиживалъ у него на колѣняхъ; но я дичился и боялся, всѣми силами старался избѣгать его; мнѣ неловко было въ его присутствіи. А*** былъ очень-занятъ, и потому наши свиданія съ нимъ были рѣдки и коротки.

Съ восьми лѣтъ я началъ жить болѣе въ Петербургѣ, въ домѣ А*** съ Настасьею. Ко мнѣ приставили учителей: француза, нѣмца, англичанина и итальянца. Французъ находился при мнѣ неотлучно; къ нему я былъ болѣе расположенъ; онъ, въ свободное время, училъ меня гимнастикѣ, что́ очень мнѣ нравилось, разсказывалъ про Парижъ, про оперу, про театры, про удовольствіе жить въ свѣтѣ; многаго я не понималъ тогда изъ его разсказовъ; но темное понятіе осталось въ моей памяти, и когда я уже былъ лѣтъ восьмнадцати, разсказы француза стали мнѣ понятны и много помогли моимъ шалостямъ. Англичанинъ былъ строгъ, холоденъ и неразговорчивъ; онъ много мучилъ меня, оговаривая постоянно и стараясь

охладить во мнѣ живость, которую развивалъ французъ. Нѣмца я терпѣть не могъ за нѣмецкій языкъ, мнѣ крайне-неправившійся. Съ нетерпѣніемъ я дожидался часовъ, когда приходилъ итальянецъ. Онъ училъ меня музыкѣ и итальянскому языку. Меня учили играть на скрипкѣ, на фортепьяно и гитарѣ: это мнѣ очень-нравилось. Порусски я мало учился; всѣ науки читались мнѣ на иностранныхъ языкахъ, а болѣе на французскомъ. Закону Божію учился ли я въ это время— хорошенько не помню; кажется, что нѣтъ. При помощи такихъ наставниковъ я былъ вполнѣ джентльменомъ, развязенъ, ловокъ, лепетливъ, надменъ и немножко даже безнравственъ. При помощи петербургскаго климата и моихъ менторовъ я сдѣлался интересно-блѣденъ, что̀ приводило въ восторгъ Настасью и моихъ менторовъ. А*** какъ-нельзя-болѣе былъ доволенъ моимъ воспитаніемъ. Я зналъ Парижъ, не видавъ его, знако̀мъ былъ съ образомъ жизни французовъ, англичанъ и итальянцевъ. Нѣмцовъ я не любилъ въ образѣ моего учителя, и потому мало ими занимался.

Я зналъ даже, гдѣ въ Парижѣ можно провести время весело, но вовсе не зналъ Россіи; съ Петербургомъ мало былъ знакомъ. Познанія мои о Россіи ограничивались начальными уроками географіи и нашей усадьбой, куда я ѣздилъ лѣтомъ на праздники, да и тамъ болѣе занимался изученіемъ лошадей, собакъ и мѣстъ, удобныхъ для охоты. Мой французъ былъ страшный охотникъ; во время прогулокъ онъ обращалъ мое вниманіе на мѣста, удобныя для охоты, и на разныя породы дичи. Бѣдная моя кормилица! сколько она пролила слезъ въ это время! Я не обращалъ на нее вниманіе: простая русская баба не стоила того!... Такъ я воспитывался до того времени, когда отдали меня въ корпусъ.

IV.

Въ пажескомъ корпусѣ жизнь моя пошла правильнѣе (продолжалъ разсказывать про себя Шумскій). Избавившись отъ докучливыхъ менторовъ, я старался пользоваться свободой, какую могъ имѣть въ корпусѣ. Много я дѣлалъ проказъ, и онѣ мнѣ всегда сходили съ рукъ: имя А.*** было для меня могущественнымъ талисманомъ. Впрочемъ, я учился хорошо; способности мои были бойки: моимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ всѣ были восхищены. На лекціяхъ закона Божія я читалъ Вольтера и Руссо, правда немного понималъ ихъ; но тогда это было современно: кто не приводилъ въ разговорахъ цитатъ изъ Вольтера, того считали отсталымъ, невѣждой. Незамѣтно пролетѣло время въ корпусѣ—я кончилъ курсъ въ числѣ первыхъ и былъ выпущенъ въ гвардію. Это было счастли-

вое время. Получивъ блестящее воспитаніе по тогдашнимъ понятіямъ, я вступилъ на широкую дорогу; будущность представлялась мнѣ въ самомъ восхитительномъ видѣ. Воображеніе мое терялось въ пріятныхъ картинахъ разсѣянной свѣтской жизни.

Я пріѣхалъ въ усадьбу къ А***. Онъ, съ слезами на глазахъ, любовался мною: видно было, что его самолюбіе вполнѣ было удовлетворено моимъ образованіемъ. А*** отвелъ мнѣ комнаты у себя въ домѣ, былъ ласковъ ко мнѣ и твердилъ постоянно, что я, какъ честный дворянинъ и офицеръ, долженъ быть преданъ царю до послѣдней капли крови. Настасья была въ восторгѣ; она не знала, куда меня посадить и чѣмъ подчивать; болѣе обращалась со мною, какъ служанка, чѣмъ мать. Какъ-то А*** отлучился на одинъ день куда-то; безъ него Настасья допьяна напоила меня шампанскимъ. А кормилица? Она, глядя на меня, плакала, и съ какою нѣжною любовью улыбалась мнѣ сквозь слезы! Она не сводила глазъ съ меня, порывалась обнять, прижать къ

своему сердцу, но удерживалась присутствіемъ постороннихъ. Наконецъ, она дождалась счастливой минуты, когда мы остались одни. Она обхватила руками мою голову, крѣпко прижала къ своему сердцу, горячо цаловала меня въ губы, въ лобъ, въ глаза, и шептала въ изступленіи: «желанный мой! родной мой!» Я чувствовалъ, что на мое лицо падали ея горячія слезы, но не старался освободиться отъ ласкъ ея: мнѣ было пріятно въ ея объятіяхъ! Отъ ея ласкъ какое-то, невѣдомое мнѣ прежде, новое чувство наполняло грудь мою. Это были минуты перваго и послѣдняго истиннаго счастія моего на землѣ.

Онъ отеръ слезу, невольно-скатившуюся изъ глазъ его.

Дворня и крестьяне съ дикимъ любопытствомъ смотрѣли на меня; но я не обращалъ на нихъ вниманія, не удостоивалъ даже взглядомъ. Скоро соскучился я въ деревнѣ и торопился въ Петербургъ, чтобъ насладиться жизнью. Прощаясь съ А***, я не чувствовалъ ни тоски, ни сожалѣнія, неизбѣжныхъ при прощаніи, весело прыгнулъ въ коля-

ску, но обернулся въ сторону—и моимъ глазамъ представилась кормилица, устремившая на меня полные горькихъ слезъ взоры. Тупою болью отозвались въ моемъ сердцѣ эти слезы; я отвернулся въ другую сторону и, мрачный, выѣхалъ изъ деревни.

Въ Петербургѣ я началъ жить, какъ вообще живутъ молодые люди, получившіе подобное мнѣ воспитаніе. Съ ученья или съ парада я отправлялся на Невскій Проспектъ, встрѣчалъ товарищей, бродилъ, глазѣя на хорошенькихъ, потомъ заходили мы въ кондитерскую, или трактиръ, обѣдали, послѣ обѣда отправлялись въ театръ, шумѣли или хлопали, завертывая за кулисы, строили разныя глупости и отправлялись ужинать. Что мы дѣлали въ это время—стыдно теперь и разсказывать. Къ утру я возвращался домой, измученный виномъ и разгуломъ. На слѣдующій день начиналась та же исторія. Посѣщалъ я и аристократическіе домы, бывалъ на обѣдахъ, вечерахъ и балахъ. Иногда читалъ французскіе романы, правда, несовсѣмъ-охотно, только для того, чтобъ поискать

въ нихъ новыхъ, громкихъ фразъ для разговоровъ. Жизнь моя шла какъ по маслу; я быстро возвышался. Въ деревню я ѣздилъ на праздники, когда былъ тамъ А***, но безъ особеннаго удовольствія. Тамъ я не находилъ себѣ никакого занятія и, отъ-нéчего-дѣлать, носился верхомъ на лошади съ собаками, гоняя бѣдныхъ зайцевъ по полямъ и лугамъ. Особенной привязанности къ А*** или Настасьѣ во мнѣ не было. Я бы, кажется, не соскучился безъ нихъ, еслибъ не видалъ ихъ долгое время. Къ кормилицѣ меня влекло какое-то чувство темное; мнѣ часто приходила охота повидаться съ нею, посмотрѣть на нее. Эта симпатія, какъ я тогда думалъ, была слѣдствіемъ искренняго ея ко мнѣ расположенія. Я всегда возилъ ей изъ Петербурга подарки и часто давалъ тайкомъ денегъ. Такъ проводилъ я время, состоя на службѣ, въ полномъ сознаніи, что живу, какъ слѣдуетъ образованному человѣку. Это сознаніе тѣмъ болѣе укоренялось во мнѣ, что и всѣ почти мои товарищи жили подобно мнѣ.

V.

Товарищи меня любили (разсказывалъ Шумскій). Во всѣхъ шалостяхъ и продѣлкахъ я былъ всегда въ головѣ. Бойкій и задорный, избаловашный надеждою безнаказанности, я въ своихъ выходкахъ часто доходилъ до дерзости—мнѣ все прощали. Разсказы моего учителя-француза мнѣ очень пригодились: руководясь ими, я удивлялъ всѣхъ моими выходками. Безъ Шумскаго не обходилось ни одной шумной пирушки, ни одной вздорной затѣи.

Не нравился намъ одинъ генералъ, строго-соблюдавшій форму. Извѣстное дѣло, молодёжь—большіе вольнодумцы въ-отношеніи формы: чѣмъ строже взыскиваютъ, тѣмъ охотнѣе дѣлаютъ они отклоненія отъ формы, чтобы задать шику.—«Сдѣлай милость, Шумскій, проучи его», просили меня товарищи, указывая на немилаго генерала.

Долго я искалъ случая, чтобъ посмѣяться надъ нимъ, но мнѣ какъ-то не удавалось. Разъ былъ назначенъ парадъ на Царицыномъ Лугу; войска уже были въ сборѣ; генералы и адъютанты разговаривали, собравшись въ кружокъ, въ ожиданіи государя. День былъ жаркій, солнце такъ и палило. Нелюбимый генералъ тутъ же былъ; чтобъ защитить себѣ лицо отъ палящихъ лучей солнца, онъ повернулъ свою шляпу не по формѣ. Я обрадовался случаю, подлетѣлъ къ нему и крикнулъ на весь плацъ пофранцузски:—«Ваше превосходительство не по формѣ изволите носить шляпу!» Офицеры засмѣялисъ. — «Молчи, подкидышъ!» отвѣчалъ мнѣ сквозь зубы пофранцузски генералъ. На французскомъ языкѣ это слово еще болѣе выражало. Кровь застыла въ моихъ жилахъ отъ этого названія, и я безъ чувствъ упалъ съ лошади. Меня отнесли въ карету и привезли домой. Какъ только я очнулся, слово «подкидышъ» раздалось снова въ ушахъ моихъ, какъ-будто кто-нибудь стоялъ возлѣ моего уха и постоянно твердилъ это ненавистное названіе. Первою моею мыслью

было идти къ генералу и требовать отъ него кроваваго удовлетворенія; но мнѣ тотчасъ же представился онъ съ этимъ ѣдкимъ словомъ въ устахъ своихъ, и мною овладѣло робкое чувство. «Да кто же я такой?» спросилъ я себя хотя не въ первый разъ, но теперь съ особенною горечью. «Я А*** считаю отцомъ, а ношу фамилію Шумскаго! Мать моя вольноотпущенная, а я считаю себя дворяниномъ! Кто же я такой? кто же я такой?» спрашивалъ я себя, мечась по комнатѣ. Я не велѣлъ никого принимать. Мнѣ страшно было встрѣтить человѣка: такъ и думалось мнѣ, что, при встрѣчѣ, прямо мнѣ въ глаза скажутъ «подкидышъ», что на меня будутъ показывать пальцами. Мученія мои были ужасны! Глубоко было уязвлено мое самолюбіе. Я старался припомнить мое дѣтство, старался припомнить своего отца, кто онъ такой былъ — но ничего не могъ вспомнить. Дѣлать было нечего, надобно было обратиться къ А*** и Настасьѣ, чтобы узнать истину. Мнѣ не хотѣлось ѣхать къ нимъ, не хотѣлось видѣть ихъ: мнѣ они сдѣлались ненавист-

ны. Но какъ бы то ни было, мнѣ нужно было узнать истину. Я сказался больнымъ и уѣхалъ въ деревню къ А***.

Не такимъ я пріѣхалъ въ деревню, какъ прежде. Бывало, только пріѣду, крикну на весь дворъ: «егеря!» бѣгу къ собакамъ и цѣлые дни рыщу по полямъ за зайцами. Въ эту поѣздку не такъ я сдѣлалъ: я затворился въ своей комнатѣ и всѣми мѣрами старался избѣгать встрѣчи съ людьми, боялся, чтобы дворня не узнала моего позора и не указала бы на меня пальцемъ. Я желалъ, искалъ, и вмѣстѣ самъ же избѣгалъ откровенной бесѣды съ А***: мнѣ страшно было узнать истину. Наконецъ, преодолѣвъ всѣ волненія, я рѣшился заговорить съ А***, но говорилъ косвенно, намеками, стараясь заставить его самого высказать, что́ мнѣ нужно было знать. Онъ, кажется, сразу понялъ мои намѣренія и былъ уклончивъ; я рѣшительно ничего не могъ отъ него добиться. Много разъ я пытался вывѣдать отъ него тайну, но безуспѣшно. Неудача еще болѣе раздражала меня. Одинъ разъ, когда мы гуляли въ саду, я

рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку. «Скажите, Бога ради, чей я сынъ?» робко спросилъ я А***. «Отцевъ да материнъ», холодно отвѣтилъ А***, отвернулся и ушелъ домой. Такой отвѣтъ уязвилъ меня до глубины души. Я хотѣлъ догнать его и сказать, что не изъ простаго любопытства спрашиваю его, что меня называютъ подкидышемъ! Но горькое чувство одиночества сильно взволновало меня: я зарыдалъ и бросился на первую, попавшуюся мнѣ скамейку. «Нѣтъ, думалъ я, не онъ отецъ мой: въ немъ нѣтъ искры нѣжнаго чувства, такъ тѣсно-связывающаго отца съ сыномъ. Онъ видѣлъ мои страданія, но не хотѣлъ облегчить ихъ; ему не жаль меня; въ его сердцѣ нѣтъ ко мнѣ состраданія! Съ-этихъ-поръ между нами все было кончено. Что мнѣ было дѣлать? Отвѣтъ А*** еще болѣе увеличилъ мои мученія, еще болѣе усилилъ во мнѣ желаніе узнать роковую тайну. Долго сидѣлъ я въ саду. Какія чувства волновали меня въ это время, какія мысли мѣшались въ головѣ моей — я не могъ себѣ дать отчета. Былъ ли это страшный, мучительный

сонъ, или бредъ на-яву — не знаю. Я бы, кажется, просидѣлъ весь день и всю ночь здѣсь, еслибъ лакей, посланный за мною, не вывелъ меня изъ этого мучительнаго состоянія. «Баринъ васъ проситъ къ себѣ», сказалъ онъ, запыхавшись. Радостная надежда блеснула съ головѣ моей. «Можетъ-быть, онъ тронулся моимъ горестнымъ положеніемъ, можетъ-быть, смягчилось жестокое сердце», подумалъ я. Наскоро кое-какъ я оправился и вошелъ въ кабинетъ А***. А*** былъ мраченъ и суровъ, исподлобья взглянулъ на меня и протяжно сказалъ: «Молодому человѣку грѣшно тратить безполезно время; я бы совѣтовалъ вамъ заняться службою». Онъ замолчалъ; я поклонился и вышелъ. Это значило отправиться мнѣ въ Петебургъ, и какъ-можно-скорѣе. Мнѣ не хотѣлось уѣхать, не узнавъ тайны моего рожденія. Оставался одинъ человѣкъ, могущій открыть мнѣ тайну; но я мало вѣрилъ въ чистосердечіе Настасьи. Несмотря на это, я пошелъ къ ней. Скрѣпя сердце, я къ ней ласкался... Надо сознаться, я къ ней не имѣлъ ни расположенія, ни довѣрія... Не вдругъ я

приступилъ къ ней съ моимъ вопросомъ. Часа два я говорилъ съ ней о разныхъ предметахъ, старался быть любезнымъ и внимательнымъ, чтобъ расположить ее къ откровенности.

— Чей я сынъ? наконецъ я ее спросилъ.

— Мой, родной мой, отвѣчала она, стараясь придать своимъ ласкамъ всю нѣжность и горячность родной матери.

Но въ ласкахъ ея столько было натянутаго и поддѣльнаго, что онѣ были противны! Не знаю, какъ я удержался и не оттолкнулъ ее отъ себя съ презрѣніемъ.

— Кто мой отецъ? спросилъ я.

— Онъ, отвѣчала Настасья. Развѣ не говоритъ тебѣ твое сердце этого? развѣ ты не можешь узнать отца твоего въ тѣхъ нѣжныхъ и заботливыхъ попеченіяхъ, которыми онъ тебя окружаетъ?

— Да кто же онъ? Назовите мнѣ его.

Настасья съ какимъ-то недоумѣніемъ и сомнѣніемъ посмотрѣла на меня.

— А***, сказала она, потупивъ взоры.

— Неправда! сказалъ я.

— Вотъ тебѣ свидѣтель Богъ! сказала она, указавъ на образъ. Пусть я умру на этомъ мѣстѣ въ мучительныхъ страданіяхъ, если это неправда, произнесла она съ отчаяніемъ.

Мнѣ страшно стало за нее. Она безсовѣстно лгала. Я ушелъ отъ нея, велѣлъ подать лошадей и уѣхалъ въ Петербургъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Можете судить, въ какомъ я былъ состояніи, когда оставилъ деревню. Я туда ѣхалъ съ надеждою узнать отца и мать, думалъ найти родныхъ моему сердцу, надѣялся раздѣлить съ ними мое горе, выплакать его на родной груди, найти себѣ родственное участіе и утѣшеніе въ ласкахъ матери; но жалко обманулся; я даже утратилъ надежду когда-нибудь узнать родныхъ своихъ. Я былъ одинокъ въ цѣломъ мірѣ, и еще съ такимъ безотраднымъ прозвищемъ! Я возненавидѣлъ А*** и Настасью, а съ ними и всѣхъ людей. При мнѣ не было человѣка, близкаго моему сердцу!

Отвратителенъ показался мнѣ Петербургъ; несносно было ходить по многолюднымъ улицамъ: это

многолюдство напоминало мнѣ мое одиночество и всю пустоту моей жизни. Я ни въ чемъ не находилъ себѣ утѣшенія. Да и гдѣ было мнѣ искать его?

Заперся я въ квартирѣ и выходилъ только по необходимости на службу.

Чего я не придумывалъ въ это время, чтобъ найти себѣ утѣшеніе? Я старался найти себѣ утѣшеніе въ моемъ прошедшемъ; но оно было пусто и безотрадно: страшно было заглянуть въ него. Кутёжъ, пиры—вотъ все, что̀ возставало въ моей памяти на тщетныя усилія вызвать изъ нея что-нибудь утѣшительное. Сожалѣніе о безплодно-проведенномъ времени, угрызеніе совѣсти за растрату юныхъ силъ поселили во мнѣ отвращеніе къ самому-себѣ, и хандра — неизбѣжное слѣдствіе недовольства самимъ собою — овладѣла мной. Я искалъ средства избавиться отъ нея, желалъ себѣ найти занятіе, чтобъ посвятить всего себя ему, чтобъ забыться надъ нимъ — и не находилъ. Я принялся читать; но чтеніе еще болѣе нагоняло мнѣ скуку. Я не былъ пріученъ къ серьозному труду; у меня не было цѣли въ жизни. Однѣ

несбыточныя химеры занимали мою голову: онѣ разсыпались въ прахъ при первой неудачѣ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ я, устремивъ взоры на одинъ какой-нибудь предметъ, безъ мысли, безъ чувства. Товарищи мои всѣми силами старались развлечь меня — старанія ихъ оставались безуспѣшны: я дичился ихъ. Мнѣ завидно и больно было видѣть ихъ счастливыми. Кромѣ-того, я подозрѣвалъ, что они знаютъ мою тайну и изъ одного только состраданія не бросаютъ меня: это мнѣ было обидно, оскорбительно. Я былъ ѣдокъ и жолченъ: это отдалило многихъ отъ меня. Наконецъ мое положеніе такъ сдѣлалось невыносимо-мучительно, что я сталъ искать самозабвенія: вѣрнымъ средствомъ оказалось вино, и я предался пьянству. Потерявъ собственное уваженіе къ самому-себѣ, я хотѣлъ заставить уважать себя другихъ силою. Мнѣ каждая шутка казалась насмѣшкою и оскорбленіемъ: поэтому я сдѣлался сварливъ и задоренъ.

Одна еще цѣль была въ моей жизни: отмстить генералу, такъ грубо-оскорбившему меня. Я

хотѣлъ ему мстить такъ, чтобъ онъ всю жизнь казнился моею местью. Убить его мнѣ было мало — нѣтъ, я хотѣлъ отнять у него доброе имя, спокойствіе совѣсти — словомъ, всѣ радости жизни, чтобъ онъ испыталъ тѣ же мученія, какія я испытывалъ. И еслибъ не эта цѣль, привязывавшая меня къ жизни, я сдѣлался бы самоубійцею, безъ всякаго сожалѣнія о жизни. Мнѣ нѣчего было терять въ ней!

Въ одинъ день возвращаюсь я съ развода домой; ко мнѣ привязался одинъ мой добрый товарищъ (теперь уже нѣтъ его въ живыхъ), идетъ со мной, старается завязать разговоръ: я нѣхотя отвѣчаю ему, чтобъ скорѣе отъ него отдѣлаться, но не тутъ-то было. Онъ вошелъ ко мнѣ, что мнѣ не очень нравилось. Я какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ него: мнѣ смерть хотѣлось выпить, а при немъ было стыдно; но онъ, какъ-будто не замѣчая моего невниманія, сталъ мнѣ говорить о вредѣ и непристойности такого образа жизни, какой я велъ. Я отвѣчалъ ему неохотно: онъ спокойно продолжалъ говорить. Я озлился и на-

чалъ отвѣчать жолчно и ѣдко. Мой добрый товарищъ не оскорблялся этимъ и не переставалъ говорить. Сколько было въ его словахъ правды, искренности и неподдѣльнаго чувства! Онъ побѣдилъ меня своимъ великодушіемъ; мнѣ стало стыдно, что я оскорблялъ человѣка за то, что онъ искренно желалъ мнѣ добра, не смотря на мою неблагодарность.

— Благодарю тебя, сказалъ я съ жаромъ, пожавъ ему руку:—я вижу, что ты искренно желаешь мнѣ добра; я знаю, что твои слова не пустыя фразы! Отъ всей души вѣрю въ ихъ правду и искренность, но не могу слѣдовать твоимъ совѣтамъ.

— Отчего же? спросилъ онъ, съ грустью посмотрѣвъ на меня.

— Оттого, что для меня въ жизни все потеряно.

— Ты разочарованъ?

— Можетъ-быть, и такъ. Но нѣтъ, я могъ бы еще найти себѣ счастіе въ жизни, еслибъ не одно несчастное обстоятельство...

— Скажи мнѣ; или, можетъ-быть, это тайна?

— Да́, это страшная тайна, которой и я еще не могу разгадать; мнѣ тяжело говорить о ней: она связана съ такими воспоминаніями, которыя могутъ свести меня съ ума. Ты знаешь, ка́къ тяжко вспомнить то, что́ мы стараемся если не выкинуть совсѣмъ изъ памяти, то по-крайней-мѣрѣ заглушить чѣмъ-нибудь.

— Такъ старайся и ты заглушить чѣмъ-нибудь свое горе.

— Чѣмъ, напримѣръ?

— Сначала хоть разсѣянной жизнью: ѣзди въ гости, на гулянья, въ театръ.

— Это для меня несносно: все это будетъ только напоминать мои горькія утраты.

— Такъ займись серьознымъ дѣломъ. Ты получилъ прекрасное воспитаніе; оно не должно быть безплодно: читай, размышляй и дѣйствуй.

— Пробовалъ, братъ, и это, да пользы ни на грошъ. Видишь ли что́: меня учили говорить, а думать не заставляли—такъ эта работа мнѣ не по-силамъ теперь, скучна...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, положеніе твое незавидно.

Что̀ бъ еще придумать? говорилъ въ раздумьѣ добрый товарищъ.

— А вотъ что̀, сказалъ я:—выпить было бы прекрасно. Одно вино въ-состояніи прогнать тоску и мракъ.

— Полно шутить! отвѣтилъ онъ мнѣ съ упрекомъ.—Высказывать всю пагубу пьянства не буду: ты самъ хорошо это знаешь. Посуди самъ, прилично ли это образованному человѣку...

— Что̀ же мнѣ дѣлать-то? прервалъ я его, чтобъ удержать его отъ безполезныхъ разсужденій.

Товарищъ задумался.

— Есть еще одно средство, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—поѣзжай въ деревню къ А***. Онъ теперь устраиваетъ свою усадьбу; ты ему можешь быть во многомъ полезенъ, да и самъ-то ты незамѣтно развлечешься; это дѣло будетъ для тебя ново и интересно. Притомъ же, сельская жизнь имѣетъ очень-благотворное вліяніе на насъ... И онъ пошелъ говорить на эту тэму, говорилъ, впрочемъ, умно, живо, увлекательно, рисовалъ передо мною такія восхитительныя картины, что

я невольно поддался его вліянію и рѣшился ѣхать въ деревню.

По совѣту добраго товарища, я взялъ отпускъ и уѣхалъ къ А***.

Вотъ, я пріѣхалъ въ Г...нно. Сталъ внимательно присматриваться ко всему, что́ тамъ дѣлалось, чтобъ познакомиться съ дѣломъ. Что́ же я увидѣлъ? Боже милосердый! до какой жестокости можетъ дойти человѣкъ, увлекаясь своими тщеславными видами и затѣями! А*** хотѣлъ сдѣлать чудо: создать въ нѣсколько лѣтъ то, что́ образуется впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ! Онъ хотѣлъ поставить мужиковъ своей вотчины на ту степень образованности и совершенства, на которой стояло въ то время сельское населеніе самыхъ образованныхъ народовъ Европы. Чтобъ достигнуть этой цѣли, онъ не думалъ много. Насмотрѣвшись за границей на жизнь простаго народа, которая ему очень нравилась, онъ вздумалъ примѣнить эту жизнь къ русскимъ мужикамъ своей вотчины при помощи одной палки, вовсе не заботясь, согласна ли она съ понятіями мужиковъ и примѣ-

нима ли она по мѣстнымъ условіямъ. Во внѣшности этого дѣла все было хорошо, красиво и, казалось, полезно; но въ-сущности это было варварство! А*** торопился все дѣлать, чтобъ видѣть плоды своихъ предначертаній, чтобъ насладиться ими. Работы кипѣли; а по его скупости все дѣлалось его крестьянами. Можете судить, каково было ихъ состояніе! Крестьяне его обработывали поля со всею чистотою голландцевъ, расчищали луга и новыя поля, проводили дороги во многія деревни по три рядомъ; возили лѣсъ, работали кирпичъ; строили домы; насаживали садъ и цѣлыя рощи; копали пруды и канавы и вели такую чистоту по всей вотчинѣ, что она нисколько не уступала царскосельской. Если кто-нибудь шелъ по дорогѣ, то за нимъ уже шелъ мужикъ и заметалъ слѣдъ его! Много было пролито поту, слезъ и крови? Клевреты А*** были жестоки: они только занимались тѣмъ, что били мужиковъ. «Мы только печкой не биты», говорили мужики въ это время. Былъ нѣкто Минутъ, архитекторъ; онъ билъ мужиковъ за то, что они усердно рабо-

тали, билъ и приговаривалъ: «ты въ глазахъ моихъ только усердно работаешь, а какъ уйду, стоять будешь». Если мужикъ утромъ долго промолился Богу и немного опоздалъ на работу—его били. Если, по неумѣнью, мужикъ не дѣлалъ, какъ слѣдуетъ, дѣла—его били. Палка въ этомъ случаѣ была учителемъ. Если исправный мужикъ вздумалъ въ будни напиться чаю—его били. Если мужикъ, измученный и усталый, пріѣхалъ вечеромъ домой и заставилъ сына убрать лошадь—его били. Этому не вѣрится теперь—такъ все перемѣнилось, а между-тѣмъ это было лѣтъ 40—50 назадъ. За то мужики безпощадно били своихъ бѣдныхъ лошадей, за что били ихъ самихъ, если узнавали объ этомъ начальники. Мужики были озлоблены, унылы. Правда, они повиновались безпрекословно, каждому барину снимали шапку, но съ мрачнымъ видомъ глядѣли исподлобья. Не знаешь, чему удивляться: распорядительности ли владѣльца, или терпѣнію крестьянъ. Сколько было несообразностей въ дѣлахъ А***, доходившихъ до безсмысленности! Строилъ онъ въ деревняхъ

часовни для молитвы, а надъ часовнями дѣлалъ комнаты, куда онъ пріѣзжалъ съ гостями пить чай; проводилъ дороги — и по нимъ, кромѣ его, никто не смѣлъ ѣздить; строилъ домы крестьянамъ на собственныя ихъ деньги, а они не смѣли жить въ чистыхъ комнатахъ собственнаго дома. Красота дѣвушекъ и женщинъ была ихъ несчастіемъ. Въ военныхъ поселеніяхъ было, кажется мнѣ, еще хуже: тамъ мужикъ буквально не имѣлъ собственности; ни жена, ни дѣти, ни имущество не принадлежали ему: все это было общее съ постояльцами, по шести человѣкъ стоявшими у хозяина. Не было ни одного добраго человѣка, который бы кротко и ласково, безъ дѣйствія кулака, растолковалъ мужику дѣло. Объ этомъ не заботились. Никому не было нужды, понимаетъ ли мужикъ, какую пользу принесетъ ему трудъ его. Одна была забота: исполнить буквально приказаніе А***. За то и самого А*** помучили буквальнымъ исполненіемъ его воли. Помнится мнѣ продѣлка одного батальйоннаго камандира. На берегу Волхова, на мѣстѣ, называемомъ Собачьи-Горбы,

была чудная сосновая роща: она не была вычищена; въ ней было много валежнику и мелкой лѣсоросли. Проѣзжая мимо, А*** сказалъ батальйонному командиру, котораго батальйонъ былъ расположенъ въ этомъ мѣстѣ: «Рощу надобно вычистить».—Слушаюсь, в. с.», отвѣчалъ ярый служака, приложивъ палецъ къ козырьку. Чрезъ мѣсяцъ А*** пріѣхалъ и не узналъ мѣста. Слѣдовъ не было видно существованія несчастной рощи. Можете судить: что дѣлалось вокругъ А*** такими слѣпыми исполнителями его воли! Горько было видѣть такое варварство!... А какъ съ горя, не выпить? Рушились мои надежды. Исчезли мирныя и усладительныя картины сельской жизни, такъ роскошно-нарисованныя моимъ добрымъ товарищемъ! При всей моей холодности и ненависти къ людямъ я не могъ равнодушно смотрѣть на такое хозяйство. Меня мучили картины, представлявшіяся на каждомъ шагу. Въ домѣ самъ А*** щедро раздавалъ наказанія; даже любимый его камердинеръ Степанъ не былъ обойденъ этою честью. Настасья тиранила своихъ горничныхъ, особенно

пригожихъ, изъ опасенія нажить себѣ соперницу. Въ саду, въ деревнѣ, въ поляхъ били мужиковъ клевреты А***. Во всемъ я видѣлъ страшное зло, но думалъ, что оно неизбѣжно. Я думалъ, смотря на дѣла А***, что безъ палки невозможно было пріучить русскаго мужика ни къ чему хорошему. Но я страшно ошибался...

— Батюшка, перебилъ разсказъ священника Ефимъ Васильевичъ: — бываютъ обстоятельства, застявляющія человѣка быть жестокимъ?

— Никогда! сказалъ священникъ.

— А*** вводилъ новое, незнакомое русскому мужику; его надобно было заставить силою дѣлать дѣло; притомъ же, русскій мужикъ грубъ, упрямъ и лѣнивъ: надобно употреблять самыя дѣйствительныя средства, чтобъ заставить его дѣлать полезное для него дѣло.

— Не грѣшите напрасно, Ефимъ Васильичъ! не клевещите на русскаго мужика — нѣтъ, онъ не заслуживаетъ несправедливыхъ упрековъ; онъ болѣе заслуживаетъ состраданія и сожалѣнія. Его надобно видѣть въ деревнѣ за его занятіями,

чтобъ оцѣнить его терпѣніе, съ какимъ онъ переноситъ и труды и лишенія. Жизнь мужика съ перваго взгляда проста и однообразна; ее можно выразить въ трехъ словахъ: работаетъ, ѣстъ и спитъ. Надобно пожить съ ними, вникнуть въ домашній ихъ бытъ, чтобъ видѣть картину труженической жизни, вызывающую невольно чувства умиленія и сочувствія къ русскому мужику. Вы прослѣдите его жизнь съ младенчества. Подъ корой безчувственности и равнодушія, хотя и не безъ усилія, вы найдете въ немъ сердце, исполненное любви и преданности. Съ отроческихъ лѣтъ онъ вступаетъ на свое труженическое поприще. Отъ ранняго утра до темной ночи онъ дѣлитъ труды съ отцомъ въ полѣ. Лѣтомъ верхомъ на лошадяхъ боронитъ пашню, или длинною набойкою разбиваетъ комья глины на полосѣ, или грабитъ сѣно. Зимой съ утра до вечера въ лѣсу, на морозѣ. Чѣмъ же онъ бываетъ поощренъ къ этому? Наравнѣ съ прочими, онъ ѣстъ тотъ же черный хлѣбъ и сѣрыя щи. Въ годъ разъ, много два, потѣшитъ его отецъ: дастъ ему въ

деревенскій праздникъ двѣ копейки—и онъ въприскачку бѣжитъ съ ними къ возу торгаша-аферіста за горстью орѣховъ и пяткомъ яблокъ, которыя едва-ли вкуснѣе сыраго картофеля. Для него это верхъ наслажденія; его ждетъ цѣлый годъ. Прошелъ счастливый день—и онъ снова обращенъ къ своимъ занятіямъ. Уже-ли пясть гнилыхъ орѣховъ и пятокъ яблокъ могутъ быть ему поощреніемъ въ трудахъ? Нѣтъ, дѣтская привязанность и безпредѣльная покорность своей участи — вотъ что́ поддерживаетъ и поощряетъ его. Онъ знаетъ, что съ умноженіемъ его лѣтъ умножатся и труды его. Онъ и не страшится этого, а спокойно ожидаетъ: такъ было съ его отцомъ и дѣдомъ. Сравните жизнь этихъ тружениковъ-дѣтей съ жизнью нашихъ дѣтей... Не обижайтесь сравненіемъ, оно не унизитъ, не оскорбитъ нашего достоинства. Мужики такіе же люди, какъ и мы; у нихъ такое же тѣло и такая же душа, какъ наша; только условія жизни общественной полагаютъ между ними различіе. Мужикъ есть необходимое звено общества; существованіе его необходимо

и неизбѣжно; ему назначено нести тяжелые труды: потому ему нужны тяжелыя руки. Сравненіе съ нами никогда не можетъ быть оскорбительно. Обратимся же къ дѣлу. Дѣти наши еще раньше начинаютъ трудиться, но мы стараемся дѣлать трудъ ихъ пріятнымъ, разнообразныя серьёзныя занятія забавами, чтобъ дитя видѣло въ немъ удовольствіе. Оно правда: усиленные умственные труды могутъ быть вредны для ребенка; за-то, чего мы не придумываемъ для облегченія ихъ — забавы и лакомства, доходящія до пресыщенія; да одно уже представленіе ребенку счастливой его будущности много значитъ. Кромѣ-того, мы стараемся всѣ обстоятельства въ жизни ребенка своего расположить такъ, чтобъ они способствовали его занятіямъ. Посудите же, каково должно быть состояніе бѣднаго деревенскаго мальчика! Можетъ-быть, подумаютъ, что онъ не понимаетъ и не желаетъ лучшаго — напрасно: у него, хоть и не ясное, а все есть эстетическое чувство. Онъ сознаетъ свое положеніе; онъ чувствуетъ тяжесть трудовъ своихъ; онъ знаетъ, что

немного радостей ожидаетъ его въ жизни; но любовь къ родителямъ и безусловная покорность своей участи заглушаютъ въ немъ порывы ропота на судьбу. Такъ начинается жизнь крестьянина, исполненная трудовъ и заботы, жизнь, въ которой съ каждымъ годомъ прибавляются только труды съ перспективой самой неутѣшительной, кромѣ сырой могилы, куда онъ, обремененный лѣтами и недугами, отправится на вѣчный покой съ пріятною надеждою, что правосудный Богъ наградитъ его блаженствомъ за его труды. Въ самомъ-дѣлѣ, что̀ утѣшительнаго въ его жизни? Въ праздникъ, онъ едва-ли успѣетъ расправить изломанныя работою свои кости; какъ усердный христіанинъ, онъ грѣхомъ считаетъ проспать утреню: съ пѣтухами онъ встаетъ, чтобъ во̀-время придти на погостъ къ службѣ; тамъ остается и до обѣдни, а домой вернется послѣ полудня; едва успѣетъ отобѣдать, а десятскій вѣститъ на скопъ — разсуждать о мірскихъ дѣлахъ. Такъ и пройдетъ праздникъ, хоть не въ тяжкихъ трудахъ, но и не безъ дѣла, а отдыхъ остался до

слѣдующаго раза. Теперь посмотрите на домашній бытъ его. Домъ его малъ, тѣсенъ и душенъ; въ немъ часу быть нельзя, чтобъ не почувствовать болѣзненнаго и непріятнаго ощущенія. У него одна изба; она служитъ ему и спальнею и кухнею. Въ печи этой избы варится кушанье его; въ ней же прѣетъ и кормъ скоту — мерзлыя кочерыжки и гнилое крошево; на печи сохнетъ мокрое платье, на полатяхъ лежатъ лукъ и картофель; а въ углу, у порога, лохань: въ ней приготовляется скоту пойло. Можете судить, каково жить въ этой избѣ! а ему неизбѣжно: у него одна хозяйка; ей не исправить всего дѣла, если еще завести особенную избу для себя. А что́ онъ ѣстъ? Боже ты мой! Хлѣбъ, хоть и здоровъ, за-то горекъ и черенъ; щи — всегдашнее его блюдо — изъ сѣрой капусты, безъ масла, съ одной овсяной крупой; въ праздникъ онъ позволяетъ себѣ лакомство — прибавляетъ вò щи масла и молочную кашу. Конечно, онъ могъ бы имѣть столъ и лучше, еслибъ лучшее не берегъ не для себя: ему нельзя позволить себѣ роскошь.

Придетъ время платить оброкъ, староста потребуетъ деньги — гдѣ ихъ взять? Вотъ онъ продаетъ барана, котораго съѣлъ бы съ удовольствіемъ самъ, продаетъ масло и яйца, прикопленныя хозяйкою, и деньги, полученныя за нихъ, пошли въ оброкъ. За расходомъ, пожалуй, и останется кое-что дома — лишняя скотинка, и маслица, и яицъ. Отчего бы не полакомиться, вѣдь это собственность? Что за радость копить, пріобрѣтать, чтобъ выручить деньгу, а самому не отвѣдать жирнаго кусочка баранины, не полакомиться горячей яичницей? Бѣдные ребятишки! Какой бы праздникъ-то имъ былъ, когда бы поставили на столъ жирные щи съ бараниной и горячую яичницу? Весело попрыгали бы они за столъ, съ радостью потянули бы свои ложки къ чашкамъ! То-то была бы радость! думаетъ мужикъ, сидя на лавкѣ за лаптемъ. Вотъ взоръ его заблестѣлъ удовольствіемъ, разгладились морщины отъ пріятной улыбки, и безстрастное, неподвижное лицо озарилось чувствомъ наслажденія; но ненадолго... Послѣднія деньги отданы въ оброкъ, а

въ нихъ большая нужда. Къ празднику надо купить женѣ новый сарафанъ, дочкѣ платокъ, сыну шляпу: дѣло женихово стало. Нуждъ представится столько, что голова пойдетъ кругомъ у мужика. Куда дѣнется у него веселая улыбка! Равнодушный взоръ остановится на недоконченномъ лаптѣ, лицо покрылось морщинами, и онъ опять погрузился въ свою апатію... Нѣтъ, нѣтъ! подъ личиной спокойствія скрывается борьба, споръ разсудка съ долгомъ. Отказать себѣ въ такомъ удовольствіи, не считать своею собственностью, что имѣешь въ домѣ — тяжело!... А покориться дѣйствительности неизбѣжно надобно. Съ горя затянетъ онъ заунывную пѣсню; ее поетъ онъ не для того, чтобъ выразить свои чувства, но чтобъ заглушить въ себѣ внутренній ропотъ. «Вѣрно ужь судьба моя такая!» скажетъ онъ, махнувъ рукою, и еще звонче зальется. Ему не на кого надѣяться: на людей — онъ не обезпеченъ ничѣмъ; придетъ нужда — сосѣдъ ему не поможетъ: онъ такой же бѣднякъ. Загляните къ нему въ избу, когда онъ, больной, лежитъ на

лавкѣ, въ переднемъ углу безъ всякой помощи, мучимый тяжкимъ недугомъ. Сердце изнываетъ, какъ вспомнишь ужасныя сцены, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ приходилось быть. Жена всхлипываетъ у печи, ребятишки прячутся по угламъ, или робко и съ недоумѣніемъ выглядываютъ съ полатей то на мать, то на отца; а въ головахъ больнаго сидитъ словоохотливая старуха, мучитъ его своими причитаньями, и мрачными красками описываетъ плачевную участь осиротѣвшаго семейства. Утѣшенія нѣтъ ни откуда, помощи тоже, развѣ Богъ пошлетъ свыше исцѣленіе страждущему! Страшная картина! Тѣло борется съ недугомъ, душа волнуется самыми мучительными чувствами, разлука съ дорогими сердцу — безотрадная участь сиротъ, страхъ смерти порождаютъ ропотъ отчаянія въ разстерзанномъ сердцѣ. Едва-ли достаточно всего человѣческаго краснорѣчія, чтобъ утѣшить его. Еслибъ безпредѣльная покорность Провидѣнію не согрѣвала измученнаго сердца надеждою на помощь Божію и Его милосердіе, то страданія были бы невыноси-

мы. Да и въ здоровомъ состоянiи участь мужика несовсѣмъ-завидна. Онъ живетъ самыми шаткими надеждами. Все въ его жизни зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, даже непредвидѣнныхъ и неотразимыхъ. Благосостояніе его зависитъ отъ земли: ей онъ ввѣряетъ сокровище свое — хлѣбъ, въ надеждѣ получитъ въ награду за труды обильную жатву. Мало ли можетъ встрѣтиться въ-теченіе года обстоятельствъ, могущихъ лишить его всего! Сколько сердце его извѣдаетъ ощущенiй и пріятныхъ и мучительныхъ въ это время! Настанетъ сухая осень — у него болитъ сердце, чтобъ всходы хлѣба не засохли; придетъ ранняя весна — опять забота, какъ бы не побило и не вытянуло морозомъ. Вотъ благополучно прошла весна, настало красное лѣто, нивы радуютъ надеждою на обильный урожай — во время цвѣта поднялись вѣтры, а съ ними улетѣли и надежды! Да еслибъ и прошло все благополучно, хлѣбъ выцвѣлъ, налился, полный колосъ гнетъ стебель къ землѣ — нé о чемъ безпокоиться болѣе: надежды сбылись, онъ обезпеченъ на цѣлый годъ

хлѣбомъ. Вотъ разразилась градовая туча надъ его нивой и въ одинъ часъ превратила его вѣрныя надежды въ несбыточныя мечты!... Въ такихъ треволненіяхъ онъ ведетъ жизнь свою... Что́ же вы скажете про того, кто безъ всякаго состраданія будетъ еще обременять трудами не по силамъ и бить мужика?

Священникъ продолжалъ разсказъ;

— Грязныя картины, которыя я видѣлъ въ Г. (говорилъ Шумскій), еще болѣе усилили хандру мою; я снова принялся за вино. А*** не нравилось мое поведеніе; онъ мучилъ меня своими холодными наставленіями. Я сталъ избѣгать его, да и вообще всѣхъ людей, сидѣлъ болѣе въ своей комнатѣ за своимъ любимымъ занятіемъ. Впрочемъ, вопросъ о моемъ происхожденіи не давалъ мнѣ покоя. Мнѣ сильно хотѣлось знать это; но отъ кого было знать? Одинъ разъ пришла ко мнѣ моя кормилица; свѣтлая мысль блеснула въ головѣ моей. «Не знаетъ ли чего она?» подумалъ я. Она должна бы, кажется, знать: вѣдь я выросъ на ея рукахъ.

— Сослужи мнѣ небольшую службу, сказалъ я ей ласково.

— Изволь охотно отвѣтила она: — не винца ли прикажешь принести? Справлю сейчасъ, да такъ, что никто и не провѣдаетъ.

— Спасибо; ненадо теперь. Я хочу просить тебя о другомъ дѣлѣ, только съ условіемъ, чтобъ ты сказала откровенно сущую правду.

— Какъ передъ Богомъ ничего не скрою, сказала она съ такою искренностью, что ей пельзя было не повѣрить.

— Ты съ самаго начала, какъ я родился, поступила ко мнѣ въ кормилицы?

— Съ самаго перваго дня.

— И все хорошо помнишь?

— Еще бы не помнить! отвѣтила она съ тяжелымъ взоромъ.

— Скажи, пожалуйста, кто мой отецъ?

Мой вопросъ испугалъ кормилицу; она поблѣднѣла и попятилась назадъ.

— Знать-то я знаю, сказала она, со страхомъ озираясь. Къ-чему это вздумалось тебѣ спросить?

— Мнѣ бы хотѣлось знать отца.

— Да какого тебѣ отца? роднаго, что̀ ли?

— Зачѣмъ онъ тебѣ такъ понадобился? Самъ ты немаленькій, баринъ ужъ большой.

Отвѣтъ кормилицы былъ для меня обидѣнъ.

— Тебѣ, видно, не жаль меня? сказалъ я съ упрекомъ.

— Аль бѣда тебѣ какая приключилась? съ испугомъ спросила меня кормилица.

— Ты не знаешь, какъ я несчастливъ, отвѣтилъ я мрачно.

— Желанный ты мой! Да что тебѣ приключилось такое? говорила она сквозь слезы. И какому быть несчастью? Молодъ ты, пригожъ, въ чинахъ, баринъ, какъ слѣдуетъ быть барину!

— Что мнѣ въ этомъ, когда я не знаю, кто я мои родители?

— Зачѣмъ бы они тебѣ понадобились? Самъ, кажется, на степени; зачѣмъ бы тебѣ ихъ?...

— Ахъ! ты не знаешь, что... я хотѣлъ сказать ей, что меня призираютъ, что меня называютъ подкидышемъ; но мнѣ и ее стало стыдно.

— Скажи ради Бога, если ты знаешь, кто мой отецъ? спросилъ я съ отчаяніемъ.

— Знать-то я знаю... какъ мнѣ не знать?.. Да не было бы мнѣ чего отъ Настасьи Федоровны. Не узнала бы она, какъ я скажу тебѣ объ этомъ всю правду.

— Что же можетъ быть?

— Да она меня за это со свѣту божьяго сживетъ, живую въ могилу закопаетъ.

— Клянусь Богомъ, никто не узнаетъ того, что ты мнѣ скажешь, сказалъ я торжественно.

— Быть такъ, потѣшить тебя! Твой-то родной отецъ Иванъ Васильичъ, покойный мой сожитель.

— Какъ такъ? съ изумленіемъ спросилъ я.

Э... коли ужь говорить, такъ видно надо все говорить, сказала кормилица? махнувъ рукой.— Баринъ-то нашъ не жилъ съ своей женой. Богъ ихъ вѣдаетъ, что между ними было, только съ начала самаго они разошлись, да такъ и совсѣмъ разошлись; а наслѣдника-то барину больно хотѣлось. Настасья-то Федоровна, какъ осталась при баринѣ — извѣстное дѣло, всѣмъ старалась уго-

дить ему. Чего она не затѣвала, чтобъ какъ-нибудь наслѣдника нажить. И завѣты-то она завѣтала, и на богомолье-то ходила, и къ ворожеямъ-то—все понапрасну!

Въ это время я схоронила моего покойничка Ивана Васильича, осталась отъ него тяжелою. Прихожу, этакъ, я къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ — я таки частенько къ ней ходила: бывало, пѣсенъ попоешь и сказочку ей раскажешь, да и выпьешь съ ней за компанію, а всегда такое хорошее вино пьешь, шампаское называютъ. Особенно весело проводили мы время, когда барина не было дома. Заставитъ, этакъ, дѣвушекъ своихъ пѣть плясовую — ну, я и попляшу грѣшнымъ дѣломъ; надобно же было потѣшить ее: была добра и ласкова до меня.

«Вотъ такимъ манеромъ я сижу у ней, а она и говоритъ мнѣ: «Авдотья, ты, кажется, въ тягости?» — «Точно такъ, сударыня, Настасья Ѳедоровна» отвѣчаю я. «Счастливая!» сказала она, вздохнувъ. «Ужь какое мое счастье!» отвѣчаю я: «осталась сиротой; куда мнѣ съ маленькимъ-то дѣваться?

Хоть бы поднять тѣхъ-то, что̀ есть» — а у меня было тогда двѣ дочери на возрастѣ; умерли сердечныя! «Отдай мнѣ твоего ребенка, когда родишь» говоритъ мнѣ Настасья Ѳедоровна. А я ей: «Да зачѣмъ это вамъ, сударыня?» — «Пожалуй, я тебѣ скажу, говоритъ, только съ условіемъ, чтобъ ты никому не разболтала; а если проболтаешься, то, не прогнѣвайся, я по-свѣму съ тобой раздѣлаюсь; вѣдь ты меня знаешь. Барину хочется имѣть наслѣдника — вотъ и будетъ наслѣдникъ. Согласна ты или нѣтъ?» — «Да какъ же это, сударыня, я отдамъ свое дѣтище еще въ утробѣ?» спросила я. «Это все-равно; но только съ тѣмъ, чтобъ ты не смѣла и виду подать, что онъ твой; я его выдамъ за своего роднаго», говоритъ мнѣ она. Страшно стало мнѣ отъ такихъ словъ. «Да какъ это, сударыня, отказаться отъ своего дѣтища? это смертный грѣхъ» говорю. «Полно тебѣ, глупая! Нашла грѣхъ устроить счастье своего дѣтища! Баринъ тоже будетъ считать своимъ роднымъ, сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ — извѣстное дѣло: онъ будетъ бариномъ». Оболь-

стила она меня, окаянная, своими льстивыми рѣчами — я согласилась. Порѣшили мы тутъ же такъ, что кто бы ни родился, мнѣ сказать, что родился мертвенькій, а его снести къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ. Съ этого времени Настасья Ѳедоровна распустила слухъ, будто она въ тятости; ну, ей и повѣрили, особенно баринъ, радъ-радёхонекъ былъ. Вотъ пришло время, мнѣ тебя и далъ Богъ. Агаѳошиха снеслатебя тайкомъ къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ, а та — извѣстное дѣло — всему дѣлу дала видъ, какъ быть слѣдуетъ. Баринъ обрадовался и до-сихъ-поръ считаетъ тебя своимъ сыномъ. Вотъ какъ дѣло было!»

Мать моя замолчала. Горько зарыдалъ я въ отвѣтъ ей и, упавъ на грудь къ ней, горько плакалъ вмѣстѣ съ нею.

— Матушка! матушка! что ты сдѣлала? Ты погубила меня!... Только я это и могъ сказать ей. Она ничего мнѣ не отвѣтила.

Шумскій сильно былъ взволнованъ; онъ не могъ болѣе продолжать своего разсказа.

— Открытіе тайны не обрадовало меня (говорилъ, оправясь, Шумскій), оно скорѣе еще болѣе

огорчило меня. «Правъ былъ генералъ, назвавшій меня подкидышемъ!» подумалъ я. Впрочемъ, это меня не примирило съ нимъ, оно не потушило въ моемъ сердцѣ мести. Я хотѣлъ мстить оскорбившему меня генералу, хотѣлъ мстить А*** и Настасьѣ, насильно вырвавшимъ меня изъ собственной моей среды и бросившимъ въ среду, совершенно-чуждую мнѣ, для своихъ корыстныхъ и прихотливыхъ видовъ; хотѣлъ мстить людямъ, законно пользовавшимся своими правами, не такъ, какъ я поворовски. Сначала я порывался идти къ А*** открыть обманъ Настасьи и представить ему мое несчастное и неестественное положеніе въ обществѣ и всю гнусность его поступка — украсть человѣка изъ родной семьи и воровски дать ему права, незаконно пользоваться непринадлежащими ему именемъ, состояніемъ и честью, но меня удержала клятва, данная родной матери, и страхъ настасьиной мести моей матери за открытіе тайны.

Я отложилъ объясненіе съ А*** до болѣе-удобнаго случая и уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь

я неудержимо предавался кутежу и буйству. А*** терпѣть не могъ пьянства — оно было самымъ лучшимъ средствомъ мучить его. Сколько огорчало его мое поведеніе! Онъ плакалъ даже, но все не оставлялъ меня: совѣтами, убѣжденіями и даже просьбами онъ старался исправить меня. Ему не хотѣлось разстаться со мной, потерять любимую мысль — оставить по себѣ наслѣдника своего имени и дѣлъ; но все было тщетно. Прибѣгали, впрочемъ, и къ строгимъ мѣрамъ, чтобъ меня исправить: меня сажали подъ арестъ на гауптваху, но пользы не было. Я тѣшился огорченіемъ и отчаяніемъ А***. Не одинъ годъ прошелъ для него въ тщетномъ желаніи исправить меня.

«Разъ, вечеромъ въ сентябрѣ, я былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, сидѣлъ и покачивался на диванѣ; мнѣ докладываетъ мой Иванъ, что отъ А*** присланъ ко мнѣ нарочный съ очень-важнымъ дѣломъ. «Подать его сюда!» сказалъ я. Вошелъ посланный, разстроенный и растерянный...

— Что́ хорошаго скажешь? спросилъ я.

— Баринъ приказалъ доложить вашему высоко-

благородію, что Настасья Ѳедоровна приказала вамъ долго жить, и проситъ васъ пожаловать похоронить.

— Умерла?!.., спросилъ я.

— Точно такъ, отвѣчалъ посланный.

Какъ ни непормально было мое положеніе, но вѣсть о нечаянной смерти Настасьи встревожила меня.

— Да какъ же она умерла? спросилъ я посланнаго.

— Такъ-съ, умерла-съ, отвѣтилъ онъ, и сколько я ни разспрашивалъ его, ничего не могъ добиться.

На другой день я отпустилъ посланнаго съ письмомъ къ А***. Я писалъ, что смерть Настасьи меня такъ разстроила, что я захворалъ, а потому не могу пріѣхать. Мнѣ не хотѣлось видѣть и мертвой ненавистной мнѣ женщины. Впрочемъ, я послѣ, когда узналъ подробности смерти Настасьи, жалѣлъ, что не поѣхалъ полюбоваться на А***, какъ онъ оплакивалъ вѣрнаго и неизмѣннаго своего друга.

Настасья, какъ мнѣ разсказали послѣ, умерла насильственною смертью: ее зарѣзали. Звѣрскіе

ея поступки вывели изъ терпѣнія людей, ее окружавшихъ. Жестокости ея были невыносимы; особенно она преслѣдовала одну дѣвушку, правившую при ней должность старшей горничной: ее звали Прасковьей. Прасковья была красивая, и красота ея была причиною ея мученій; она всегда носила на своемъ тѣлѣ синяки, неизбѣжные слѣды тиранства Настасьи. Не проходило дня, чтобъ Прасковья не была бита; причинъ къ тому Настасья всегда находила много. Считая побои средствомъ слишкомъ-слабымъ погубить дѣвушку, Настасья рѣшилась наконецъ тиранить ее ужаснымъ образомъ. Каленными щипцами, которыми Прасковья прижигала локоны Настасьи, она стала хватать ее за носъ, за щеки и уши, въ припадкѣ своего звѣрства. Положеніе бѣдной дѣвушки сдѣлалось невыносимо-тяжко, она не видѣла и не ждала себѣ спасенія. Да и кто же могъ спасти ее? Настасья была полною властительницею. А*** былъ слѣпо привязанъ къ ней, и стоны ея несчастныхъ жертвъ не достигали до него; про жестокости ея никто не смѣлъ сказать ему. У Прасковьи былъ

братъ, лѣтъ восьмнадцати, исправляющій должность помощника повара. Вотъ одинъ разъ приходитъ Прасковья къ своему брату, истерзанная Настасьею, блѣдная, разстроенная, и говоритъ ему, что она рѣшилась броситься въ рѣку; переносить тиранство Настасьи стало ей не по-силамъ. «Лучше умереть ей, чѣмъ тебѣ» отвѣтилъ братъ. Они условились съ сестрой убить Настасью. Недолго ждали они удобнаго случая, чтобъ совершить убійство. А*** уѣхадъ куда-то близко; Настасья осталась дома и, по обыкновенію, еще съ утра напилась до-пьяна шампанскимъ и легла спать. Прасковья разослала всѣхъ изъ дому и позвала брата, провела его въ комнату, гдѣ спала Настасья, и замкнула его тамъ. Поваръ былъ вооруженъ острымъ поварскимъ ножомъ. Какъ бы человѣкъ ни бы ъ ожесточенъ, а ему трудно рѣшиться въ первый разъ сдѣлать преступленіе; и еслибъ поваръ не былъ замкнутъ сестрою въ комнатѣ Настасьи, онъ, быть-можетъ, не рѣшился бы убить ее, а скорѣе убѣжалъ бы отъ нея; но его заставила необходимость убить Настасью. Со страхомъ, потихоньку онъ подкрал-

ся къ ней и ударилъ ее ножомъ въ горло. Ударъ былъ невѣрный: онъ только ранилъ ее. Настасья проснулась; она схватила правой рукой за острое лезвее ножа и, обрѣзавъ себѣ два пальца, стала бороться съ убійцей; но, запутавшись въ одѣяло, она скатилась на полъ; сколько она ни старалась защищаться, не могла. Она самыми лестными обѣщаніями старалась смягчить своего убійцу—все было тщетно: онъ нанесъ ей одиннадцать ранъ, и она умерла, исходя кровью на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ такъ святотатственно клялась мнѣ. Свирѣпый мститель, обрызганный кровью, съ окровавленнымъ ножомъ явился на кухню и объявилъ о совершенномъ имъ злодѣяніи. Ужасъ поразилъ всѣхъ, когда узнали они объ этомъ страшномъ злодѣяніи.

Дали знать А***; впрочемъ, ему не сказали истины; ему сказали, что Настасья опасно больна. А*** бросилъ всѣ дѣла и сломя-голову погналъ домой. Верстъ за пять отъ дома сказали ему, что Настасья убита. Какъ женщина, зарыдалъ А*** при этой вѣсти, выказавъ все свое малодушіе въ

этомъ случаѣ. Онъ метался и бился въ экипажѣ, нѣсколько разъ выходилъ изъ него, бросался на землю, снова садился въ экипажъ, приказывалъ гнать лошадей во весь духъ и тутъ же останавливалъ; приказывалъ ѣхать шагомъ и снова гналъ. Пріѣхавъ домой, онъ сказалъ окружавшимъ его: «Вы лишили меня неизмѣннаго двадцатисемилѣтняго друга — лишите же и меня жизни», Печаль его была безгранична; она доходила до дикаго отчаянія. Онъ былъ похожъ на капризнаго ребенка, у котораго отняли любимую игрушку; его нѣчѣмъ было утѣшить; онъ метался и плакалъ. Впрочемъ, такая глубокая печаль не помѣшала ему отмстить за смерть Настасьи самымъ жестокимъ образомъ. Кромѣ виновниковъ настасьиной смерти, онъ приказалъ брать и отправлять въ острогъ всякаго, кто только произнесетъ имя Настасьи. Сколько пострадало въ это время невинныхъ и несчастныхъ жертвъ его мщенія? Похоронивъ своего неизмѣннаго двадцатисемилѣтняго друга въ церкви, въ своей могилѣ, А*** бросилъ всѣ дѣла и занялся однимъ только мщеніемъ..

Такъ кончила дни свои женщина, о которой сохранилась незавидная память. Ее рѣдко и неохотно вспоминаютъ наши жители съ невольнымъ ужасомъ и отвращеніемъ, какъ-будто страшась, что она и изъ могилы можетъ еще грозить людямъ бѣдою и несчастіями. Страннѣе всего, что она живетъ въ памяти народа подъ именемъ *Настасьи*, какъ-будто ей не было ни отчества, ни прозванія. Никто не придетъ на ея могилу ни помянуть ее, ни поплакать по ней!

Смерть Настасьи имѣла самое пагубное вліяніе на А***. Онъ съ ней, кажется, все потерялъ; его ничто не могло утѣшить: ни религія, ни дружба, ни его могущество, ни даже краснорѣчіе юрьевскаго архимандрита Фотія. Тщетно утѣшали его друзья; тщетно церъковный витія тратилъ свое краснорѣчіе — А*** ничему не внималъ и былъ упоренъ въ своей неутѣшной горести. Онъ заперся въ своей усадьбѣ и совершенно бросилъ заниматься дѣлами, какъ-будто съ Настасьею погибъ весь свѣтъ, какъ-будто онъ жилъ и дѣйствовалъ только для нея одной.

— Позвольте, сказалъ Ефимъ Васильичъ, взявъ за руки священника: — прервать вашъ разсказъ и предложить вамъ вопросъ.

— Извольте, сказалъ священникъ.

— Чѣмъ вы объясните такую скорбь А***?

— Это былъ капризъ испорченнаго сердца.

— Быть не можетъ, чтобъ изъ одного каприза человѣкъ сталъ убиваться. Какая ему была охота мучить себя только изъ одного каприза?

— Развѣ вы не знаете, какъ уродуются чувства человѣка, когда онъ развратилъ свое сердце? Гордостью и тщеславіемъ А*** убилъ въ своемъ сердцѣ всѣ добрыя чувства; онъ изсказилъ ихъ, замѣнивъ любовь холоднымъ эгоизмомъ и въ высшей степени самолюбіемъ. Повѣрьте, ему не такъ было жаль Настасьи, какъ досадно было, что люди отняли ее у него. Еслибъ Настасья оскорбила его самолюбіе, онъ, безъ всякаго сожалѣнія, прогналъ бы ее; но онъ не могъ помириться съ мыслью, что люди самовольно у него отняли ее тогда, какъ онъ совершенно былъ убѣжденъ,

что безъ его вѣдома и противъ его воли ничто не должно было дѣлаться.

— Такъ вы думаете, что это не была искренняя печаль о потерѣ друга?

— Что могло быть общаго у него съ Настасьею? Настасья была простая, необразованная женщина; она никогда не могла быть его другомъ. Другомъ нашимъ можетъ быть тотъ, съ кѣмъ мы дѣлимся своими чувствами, впечатлѣніями и надеждами, кому довѣрчиво мы передаемъ тайны нашихъ мыслей и желаній, въ надеждѣ получить совѣтъ, или одобреніе, или теплое участіе, съ кѣмъ мы любимъ разсуждать о самыхъ задушевныхъ предметахъ безъ опасенія быть осмѣянными и выданнымъ.

— Да она и была, можетъ-быть, такимъ другомъ?

— Этого не могло быть! По грубости и необразованности своей, она даже не могла понимать вовсе желаній и намѣреній А***; между ними никогда не могло быть такъ-называемыхъ по вашему интимныхъ разговоровъ. Кромѣ сплетень, она, при всемъ своемъ желаніи, завести разговоръ,

не въ-состояніи была ничего передать ему. Да и А*** совершенно не былъ способенъ къ дружбѣ.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, привязанность къ Настасьѣ А*** — что́ это такое было: любовь или другое чувство? Вѣдь онъ былъ же привязанъ къ ней во всю жизнь?

— Любви въ немъ не могло быть. По разсказамъ его современниковъ, особенно женщинъ, онъ былъ очень-вѣтренъ и сладострастенъ; его сердце было слишкомъ-испорчено для того, чтобъ питать это нѣжное чувство. Его привязанность къ Настасьѣ была не болѣе, какъ привязанность старой барыни къ своей собачкѣ, которую она холитъ и балуетъ за то, что та постоянно вертится передъ нею и смотритъ ей въ глаза. Это было дѣло привычки, когда человѣкъ привыкаетъ къ вещи, которая дѣлается ему уже необходимою.

VI.

Когда мы собрались снова вмѣстѣ, священникъ продолжалъ:

«Послѣ смерти Настасьи звѣзда счастія А*** стала быстро катиться къ западу; быстро слѣдовали потеря за потерей для А***. Чрезъ очень-короткое время онъ схоронилъ своего благодѣтеля-государя, а за нимъ и самъ сошелъ съ поприща государственной дѣятельности и потерялъ прежнее могущество. Онъ еще болѣе сдѣлался жолченъ и угрюмъ; здоровье его видимо стало разстроиваться; онъ никуда не выѣзжалъ. Собственными глазами онъ видѣлъ, какъ дѣла его, которыми онъ хотѣлъ увѣковѣчить свое имя, разрушались. Тяжело было его положеніе. Какъ развѣнчанный кумиръ, онъ не возбуждалъ болѣе къ себѣ ни благоговѣнія, ни страха, а одно холодное любопытство; иногда

даже приходилось ему переносить хоть и неважныя оскорбленія, для другаго почти-нечувствительныя, но для него, избалованнаго безусловнымъ повиновеніемъ, слишкомъ-мучительныя. Наскучивъ бездѣятельною жизнью и невниманіемъ къ нему, отъ скуки и досады, да, кажется, и по совѣту другихъ, А*** отправился за границу размыкать горе. На мою долю выпало сопутствовать ему. Чтобъ занять и развлечь дорогого покровителя, которому дѣлать всякаго рода непріятности было для меня весело, я началъ кутить на дорогѣ напропалую. А*** не выдержалъ такого испытанія и, чтобъ избавиться отъ мученія и безпокойства, отправилъ меня обратно въ Россію, какъ вовсе-ненужнаго ему человѣка.

Возвратившись въ Петербургъ, я не счелъ нужнымъ явиться ни къ кому, кромѣ своихъ пріятелей, чтобъ съ ними отпраздновать свое возвращеніе. Послѣ обѣда, за которымъ въ винѣ не было недостатка, мы отправились въ театръ. На этотъ разъ судьба побаловала меня. Мнѣ какъ-разъ пришлось сидѣть позади нелюбимаго генерала,

заклятаго врага моего. Надобно замѣтить, что у него была во всю голову лысина; глядя на нее, я придумалъ злую шутку. Когда воодушевленные зрители начали апплодировать, я всталъ и отъ всего усердія три раза ударилъ ладонью по лысинѣ врага моего, приговаривая къ каждому разу «браво» во все горло. Всѣ зрители разразились громкимъ смѣхомъ, и я, какъ-нельзя-болѣе довольный собой, пошелъ на казенную квартиру, откуда меня чрезъ двадцать-четыре часа въ солдатской шинели, налегкѣ отправили на Кавказъ на курьерскихъ, въ-сопровожденіи молчаливаго товарища. Путешестіе мое не слишкомъ было продолжительно. Помнится мнѣ, что ни на одной станціи не было задержки въ лошадяхъ.

И вотъ я въ странѣ, богатой дикими красотами природы и виномъ, въ странѣ, куда стремились наши великіе поэты: Пушкинъ, Лермонтовъ и другіе, чтобъ разогрѣть южнымъ солнцемъ свое вдохновеніе, закованное сѣвернымъ морозомъ. Но дикія картины природы, знойное солнце и прочія поэтическія наслажденія были для меня

дѣло постороннее; вино тамъ дешево — вотъ что̀ занимало меня. Я, что-называется, пилъ безъ просыпу. Много разъ участвовалъ я въ экспедиціяхъ — надо сознаться, не всегда трезвый, но успѣлъ отличиться нѣсколько разъ и заслужить себѣ чинъ подпоручика. Наконецъ мнѣ пустили кровь кинжаломъ изъ шеи, и я, какъ храбрый воинъ, раненный вышелъ въ отставку и возвратился въ отечество. Въ Петербургъ мнѣ не дозволено было въѣзжать.

Не стану разсказывать про чувства, волновавшія меня (по правдѣ сказать, у меня не было вовсе никакихъ чувствъ), когда я возвращался домой. Отъ пустой и разгульной жизни, или отъ неудачъ душа моя такъ огрубѣла и охладѣла, что я на все смотрѣлъ равнодушно, кромѣ бутылки; къ этой вещи я имѣлъ уже въ это время такое пристрастіе, что не могъ равнодушно видѣть полной бутылки вина, чтобъ не отвѣдать его.

Вотъ я пріѣхалъ домой. Не очень-ласково принялъ меня мнимый батюшка; ему была не по-сердцу моя продѣлка въ театрѣ и поведеніе

на Кавказѣ; онъ зналъ всю подноготную про меня. Да мнѣ было и горя мало про это! Промыслю, бывало, себѣ винца и утѣшаюсь имъ на досугѣ. Я думалъ, что все такъ буду жить да попивать винцо на доброе здоровье; а вышло-то не такъ. А*** хмурился, глядя на мои поступки, но въ объясненія со мною не вступалъ, а старался какъ-можно-далѣе держать себя, да и онъ не слишкомъ заботился сближаться со мной.

Какъ-то разъ послѣ обѣда вздумалось А*** поговорить со мной.

— Плохое дѣло старость! сказалъ, вздохнувъ, А***: — хотѣлось бы потрудиться да поработать, но силы измѣняютъ. Вотъ въ твои лѣта я работалъ и усталости не зналъ. Самый счастливый возрастъ, чтобъ трудиться для собственной и ближняго пользы — такъ охоты нѣтъ, лѣнь одолѣла, а между-тѣмъ и стыдно и грѣшно человѣку въ твоихъ лѣтахъ тратить попусту время.

Я понималъ «въ чей огородъ камешки летятъ», но молчалъ, какъ праведникъ. Думаю-себѣ: «пришла охота старику побрюзжать — пусть его на

здоровье! Не стану ему отвѣчать, соскучится скоро одинъ разговаривать и меня оставитъ въ покоѣ».

— Кажется, воспитаніе дано было отличное, продолжалъ говорить А*** какъ-бы самъ съ собою: — и все было сдѣлано, чтобъ образовать человѣка, какъ слѣдуетъ быть дворянину, но ничто не пошло въ прокъ. — Вамъ и нескучно безъ занятія? спросилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

Дѣло дрянь, подумалъ я: молчкомъ не отдѣлаться.

— Что жь прикажете дѣлать? и поскучаешь другой разъ, смиренно отвѣтилъ я.

— Мнѣ странно, что ты не можешь найти себѣ дѣла?

— Что жь прикажете мнѣ дѣлать? Служить я не могу — это вамъ хорошо извѣстно.

— Да вѣдь тебя учили всему; можно и безъ службы найти себѣ занятіе.

Зло взяло меня.

— Учили меня всему, говорю я: — чему ненужно, а чему нужно, тому не учили. Вотъ, еслибъ учили меня сапоги шить или веретена

точить — точилъ бы здѣшнимъ бабамъ на-досугѣ, а я и этого не умѣю.

— Хоть бы молился Богу на досугѣ, если ничего не можешь придумать дѣлать.

— Нѐ за кого! За себя я молюсь — этого съ меня довольно.

— Какъ нѐ за кого? А за твою несчастную мать, умершую такой страдальческой смертью, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Моя мать, благодаря Бога, и теперь еще жива и здорова.

Грозно сверкнули очи А***.

— Да ты-то самъ, братецъ, здоровъ ли? спросилъ онъ меня сурово.

— Время узнать вамъ истину, сказалъ я, вставъ и принявъ почтительное положеніе. Женщина, имени которой я не хочу произносить — оно мнѣ ненавистно — недостойна была вашего вниманія: она безсовѣстно обманула васъ и погубила меня...

А*** поблѣднѣлъ; губы его посинѣли и тряслись.

— .... насильно вырвавъ изъ родной семьи,

изъ той среды, гдѣ я былъ бы счастливъ, для своихъ корыстныхъ видовъ, чтобъ этимъ низкимъ обманомъ упрочить къ себѣ вашу привязанность.

А*** слушалъ меня и не прерывалъ. Я разсказалъ ему всю исторію обмана, какъ передала мнѣ моя мать. Когда я кончилъ разсказъ мой, А*** молча всталъ и неровными шагами ушелъ къ свой кабинетъ. Я отправился къ себѣ и выпилъ съ горя, да такъ лихо, что до утра проспалъ безъ памяти и ничего не слыхалъ, что вокругъ меня дѣлалось.

Поутру, какъ я проснулся, вошелъ ко мнѣ мой Гаврило съ озабоченнымъ видомъ.

— У насъ несовсѣмъ-благополучно, Михаилъ Андреичъ, сказалъ Гаврило.

— Что такое? спросилъ я.

— Баринъ захворать изволили вчера, и очень-сильно; вчера было хлопотъ довольно всѣмъ; въ Петербургъ за докторомъ посылали; сейчасъ только пріѣхалъ-съ.

— Это все ничего — пройдетъ; главное, есть ли водка? — вотъ важный вопросъ, на который

тебѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, сказалъ я, потягиваясь на постели.

— Эхъ, Михаилъ Андреичъ! сказалъ, покачивая головою, старый мой Гаврило: — пора бы вамъ и бросить: дѣло неприличное для васъ, а для барина-то больно-претительное. По правдѣ сказать, вы кажется, изволили его-то и разстроить вчера; словно, что̀ ему сталось, какъ вы изволили отъ него выйдти: все ему стало дѣлаться дурно...

— Ну, ты тамъ, что̀ хочешь думай, а опохмѣлиться надобно сегодня, сказалъ я. — Послѣ что̀ будетъ, а сегодня опохмѣлиться нужно: голова больно тяжела.

— Воля ваша, какъ угодно вашей милости, сказалъ Гаврило съ какимъ-то ожесточеніемъ.

Дня три хворалъ А*** серьёзно, не выходилъ изъ своей спальни и никого не принималъ къ себѣ; потомъ сталъ поправляться и выходить.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего разговора, А*** позвалъ меня къ себѣ. До того времени я не показывался ему на глаза.

— Вотъ что̀, Михаилъ Андреичъ, скажу я вамъ,

говорилъ мнѣ А***, когда я стоялъ передъ нимъ въ его кабинетѣ: — вамъ дѣйствительно здѣсь трудно найти себѣ занятіе; а безъ дѣла жить скучно. Въ мірѣ для васъ все потеряно; но еще есть мѣсто, гдѣ вы можете быть полезнымъ, если не ближнимъ, то, по-крайней-мѣрѣ, себѣ. Ваша жизнь полна горькихъ заблужденій: пора бы подумать вамъ о своемъ спасеніи и загладить грѣхи вашей юности молитвою и покаяніемъ.

«Не мѣшало бы и вамъ» подумалъ я.

— Я бы вамъ совѣтовалъ попробовать поискать себѣ утѣшенія въ монашеской жизни; особенно-хорошо было бы пожить вамъ въ Юрьевомъ Монастырѣ. Отецъ-архимандритъ Фотій, человѣкъ замѣчательно-умный и строгой жизни: подъ его покровительствомъ вы бы нашли миръ душѣ своей и, можетъ-быть, полезное занятіе.

Я не нахожу себя способымъ къ монашеской жизни, отвѣчалъ я.

— Чего не испытаешь, того не знаешь, говорилъ мнѣ А***: — можетъ, это есть настоящее ваше призваніе. Я васъ не неволю; но, по моему

мнѣнію, гораздо-лучше имѣть какое-нибудь вѣрное средство къ жизни, чѣмъ томиться неопредѣленностью своей участи и не имѣть ничего вѣрнаго для своего существованія. Подумайте, сказалъ онъ и легкимъ наклоненіемъ головы далъ мнѣ знать, что на этотъ разъ нашъ разговоръ былъ конченъ.

«Плохи дѣлишки! плохи дѣлишки!» говорилъ я про-себя, выходя отъ графа. Думать было нечего, надобно было выбирать одно изъ двухъ: или идти въ монастырь, или по-міру. Изъ словъ А*** ясно видно было, что если я не пойду въ монастырь, то онъ вытуритъ меня, какъ паршивую собаку. А куда я пойду?.. Надобно было покориться неизбѣжной участи. Но прежде чѣмъ обдумать, что мнѣ дѣлать, я съ горя выпилъ: пьяному какъ-то всѣ вещи представляются въ лучшемъ видѣ. «Въ монахи, такъ въ монахи» сказалъ я, махнувъ рукой. Вѣдь и въ монастыряхъ люди же живутъ. Только даютъ ли тамъ водку пить? Я никогда не бывалъ въ монастыряхъ, и потому вовсе не зналъ ихъ порядка. Вопросъ этотъ смутилъ меня.

— Эй, Гаврило! крикнулъ я.

Гаврило явился.

— Бывалъ ты въ монастыряхъ, Гаврило?

— Бывалъ-съ.

— Пьютъ ли тамъ водку?

Гаврило съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Какъ же, пьютъ-съ, отвѣчалъ онъ: — по большимъ праздникамъ есть порція.

— Только по праздникамъ? А въ будень выпить ужь и нельзя?

— Случается и въ будень, только втихомолку, чтобъ начальство не знало.

— Вотъ что!.. Ну ступай куда хочешь; ты мнѣ ненуженъ.

Гаврило ушелъ.

«Значитъ и въ монастырѣ выпить можно» разсуждалъ я самъ съ собою. «Только, Фотій больно строгъ!.. Да что жь онъ мнѣ сдѣлаетъ?.. Я отставной поручикъ — розгами онъ не посмѣетъ. Ну, въ монахи, такъ въ монахи!» Больше я ничего не помню, что̀ думалъ; не помню даже, гдѣ и ка̀къ я заснулъ.

На другой день утромъ явился я къ А***.

— Что́ хорошенькаго скажете, Михаилъ Андреичъ? спросилъ онъ меня.

— Я пришелъ поблагодарить васъ за спасительный для меня совѣтъ вашъ, которому я рѣшился послѣдовать, сказалъ я смиренно.

— Хоть одно умное дѣло сдѣлаете впродолженіе всей вашей жизни. Конечно, для васъ, съ непривычки, тяжелою покажется строгая монастырская жизнь; но, чтобъ облегчить ее и дать вамъ возможность хоть на первый разъ не испытывать всѣхъ лишеній, я каждый годъ буду присылать вамъ по тысячѣ рублей (ассигнаціями), сказалъ онъ, довольный моею покорностью.

Я поблагодарилъ А*** за его ко мнѣ милости и вышелъ.

«Э! да дѣло-то не совсѣмъ дрянь!» думалъ я: «съ тысячью можно и въ монастырѣ жить припѣваючи!»

Чрезъ три дня былъ назначенъ отъѣздъ мой въ Юрьевъ Монастырь. Я далъ знать своей матери:

она пришла проводить меня. Наканунѣ отъѣзда мы поплакали и выпили вмѣстѣ съ ней, на прощаньѣ.

Наступилъ урочный часъ; подали лошедей; я пошелъ къ А*** проститься.

— Забудемте, что́ было между нами, Михаилъ Андреичъ, сказалъ онъ, обнимая меня.

Онъ былъ взволнованъ.

— Вотъ письмо: потрудитесь отдать его отцу-архимандриту. Прощайте, сказалъ онъ и ушелъ отъ меня.

Это было послѣднее наше прощаніе. Мы болѣе не видались другъ съ другомъ.

Не безъ грусти я уѣхалъ.

VII.

Я пріѣхалъ въ Юрьевъ Монастырь (продолжалъ священникъ словами Шумскаго). Когда я вступилъ на дворъ монастырскій, мною овладѣло тревожное чувство. «За этими стѣнами» думалъ я «мнѣ приходится за́-живо схоронить себя отъ свѣта — это моя могила!» И дѣйствительно, тишина, царствовавшая въ монастырѣ, застроенномъ внутри огромными каменными зданіями, съ обширнымъ дворомъ, усаженнымъ деревьями и перекрещеннымъ въ разныхъ направленіяхъ троттуарами изъ плитъ, казалась могильною. Изрѣдка покажется только монахъ, какъ привидѣніе, весь въ черномъ, мѣрно и плавно пройдетъ мимо, скроется куда-нибудь въ корридоръ зданія; но шаги его еще долго раздаются въ ушахъ, вторимые эхомъ.

Меня проводили къ архимандриту. Фотій недолго заставилъ меня ждать въ пріемной. Быстро отво-

рилъ двери келейникъ въ залу, и мнѣ представилась длинная амфилада комнатъ большихъ, но скромно-мёблированныхъ. Въ перспективѣ дверей, какъ въ рамѣ, показалась фигура Фотія. Онъ шелъ ко мнѣ медленно, склонивъ голову, какъ-будто занятый размышленіемъ. Фотій былъ невеликъ ростомъ и сухощавъ; лицо его было блѣдно и такъ сухо, что всѣ мускулы ясно обрисовывались; каріе глаза его свѣтились умомъ и энергіей.

Я подошелъ къ Фотію принять благословеніе. Съ невольнымъ уваженіемъ сдѣлалъ я ему низкій поклонъ: въ его лицѣ и осанкѣ столько было важной строгости и достоинства, что невозможно было смотрѣть на него безъ особеннаго чувства уваженія.

Я не счелъ нужнымъ рекомендоваться Фотію, державшему письмо А*** въ рукахъ своихъ: по письму онъ уже зналъ, кто я такой.

— Ты, сынъ мой, сказалъ мнѣ Фотій тихимъ, но пріятнымъ голосомъ: — пришелъ къ намъ искать убѣжища отъ суетъ мірской жизни?

— Точно такъ, ваше высокопреподобіе, отвѣчалъ я.

— Ревность по Богѣ и желаніе святой иноческой жизни похвальны; только для этого одного желанія мало: надобно имѣть твердую рѣшимость, чтобъ отказаться отъ всѣхъ прелестей суетной мірской жизни и посвятить всего себя строгому воздержанію, смиренію и молитвѣ — первымъ и главнымъ добродѣтелямъ инока.

— Я на все готовъ, отвѣтилъ я.

— Искренне ли твое желаніе? спросилъ меня Фотій и устремилъ на меня пронзительный взоръ свой.

— Искренно, отвѣтилъ я съ смущеніемъ.

Я не могъ вынести его взора, прожигавшаго душу.

— Помоги тебѣ Господь Богъ! сказалъ Фотій, поднявъ взоръ кверху. — Отецъ-намѣстникъ устроитъ тебя.

Я принялъ отъ него благословеніе и пошелъ, въ сопровожденіи келейника, къ намѣстнику.

Когда мы пришли къ кельѣ намѣстника, келей-

никъ, провожавшій меня, постучалъ легонько въ дверь и громко произнесъ: «Господи Іисусе Христе, Боже насъ!» — «Аминь!» отвѣтилъ кто-то звучнымъ басомъ. Вслѣдъ за отвѣтомъ послышались шаги, щелкнулъ крючокъ, и двери отворились. Намъ представился монахъ средняго роста, плотный, коренастый, съ окладистой бородой, широкимъ лицомъ, ничего-невыражавшимъ, кромѣ самодовольства, съ бойкими карими глазами. Онъ былъ въ подрясникѣ.

Келейникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я принялъ отъ него благословеніе.

— Отецъ-архимандритъ приказалъ мнѣ проводить къ вашему преподобію Михаила Андреича Шумскаго, сказалъ келейникъ.

— Милости прошу въ гостиную, сказалъ намъ, намѣстникъ, развязно взмахнувъ обѣими руками въ ту сторону, гдѣ была гостиная.

Я пошелъ въ гостиную, а намѣстникъ остался поговорить съ келейникомъ архимандрита.

Не успѣлъ я осмотрѣть гостиную намѣстника, какъ онъ уже явился передо мной.

— Прошу покорно, Михаилъ Андреичъ, садить-

ся, сказалъ онъ, указывая мнѣ мѣсто на диванѣ.— Я честь имѣю... намѣстникъ здѣшняго монастыря Кифа, въ мірѣ Николай, съ этимъ словомъ онъ крѣпко пожалъ мою руку.

Мы сѣли на диванъ рядомъ.

— Что жь, вы къ намъ Богу молиться, или совсѣмъ хотите украсить свою особу чернымъ клобукомъ? спросилъ меня намѣстникъ.

— Думаю, если Богъ поможетъ мнѣ, остаться совсѣмъ у васъ.

— Такъ совсѣмъ пріѣхали къ намъ? Скажите, сдѣлайте милость, гдѣ ваши вещи? я велю принести сюда. Позвольте мнѣ предложить къ услугамъ вашимъ мою убогую келью, пока отецъ-архимандритъ не сдѣлаетъ особаго распоряженія.

— Не стѣсню ли я васъ?

— Полноте, что за церемонія! Мы безхитростные иноки; съ нами всѣ свѣтскіе этикеты можно отложить въ сторону. Во первыхъ, позвольте узнать, гдѣ оставлены ваши вещи, а во вторыхъ, позвольте вамъ предложить скромную монашескую трапезу. Вы, я думаю, еще не обѣдали, не такъ, какъ

мы, уже успѣли оттрапезовать, несмотря на то, что еще первый часъ въ исходѣ.

— Искренно благодарю васъ за внимательность. Если вы добры такъ, что принимаете на себя трудъ устроить меня, то дѣлать нѣчего — я отдаюсь въ полное ваше распоряженіе. Мои вещи въ повозкѣ у монастырскихъ воротъ.

— Извините, если я васъ оставлю на минуту, сказалъ намѣстникъ и вышелъ въ другую комнату. Впрочемъ, онъ скоро вернулся.

Немного погодя принесли мои вещи; потомъ явился послушникъ, накрылъ на столъ тутъ же, въ гостиной, передъ нами, и подалъ обѣдъ.

Я пообѣдалъ, и мы выпили малую-толику ради перваго нашего знакомства.

«Недурно» думалъ я: «если каждый день будутъ такъ кормить, да еще съ такой порціей».

— Не хотите ли отдохнуть послѣ обѣда съ дороги? спросилъ меня намѣстникъ. — Скажите безъ церемоніи.

— Позвольте, сказалъ я.

Сытый обѣдъ съ хорошей порціей вина и водки невольно склонилъ меня ко сну.

Мнѣ, на томъ же диванѣ, гдѣ я сидѣлъ, положили подушки, и я заснулъ скорёхонько, вполнѣ довольный своимъ положеніемъ.

Долго ли я спалъ — не знаю, но еще бы поспалъ, еслибъ густой звонъ колокола не разбудилъ меня. Я открылъ глаза: передо мной стоялъ послушникъ.

Вотъ я пришелъ въ церковь къ вечернѣ. Служба только-что началась. Меня поразилъ своею необыкновенностью напѣвъ иноковъ Юрьева Монастыря. Они пѣли тихо и плавно съ особенными модуляціями. Торжественно и плавно неслись звуки по храму и медленно замирали подъ высокими его сводами. Это былъ ни громъ, ни вой бури, а какой-то могущественный, священный голосъ, вѣщающій слово божіе. До глубины души проникалъ этотъ голосъ и сотрясалъ всѣ нервы. Первый разъ въ жизни, надобно сознаться, я молился Богу какъ слѣдуетъ. Новость моего положенія, неизвѣсность его, огромный храмъ съ иконостасомъ, украшеннымъ щедро золотомъ и дорогими каменьями, на которыхъ игралъ свѣтъ восковыхъ свѣчей и лампадъ, поражавшее пѣніе,

стройные ряды монаховъ, въ черной одеждѣ, торжественное спокойствіе, съ какимъ они молились Богу — словомъ, вся святость мѣста ясно говорила за себя и невольно заставляла пасть въ прахъ и молиться усердно. Несмотря на то, что вечерня продолжалась часа три, я не чувствовалъ ни утомленія, ни усталости. Послѣ вечерни всѣ монахи благословились отъ архимандрита, въ томъ числѣ и я. Намѣстникъ пошелъ за архимандритомъ, монахи — по своимъ кельямъ, а я пошелъ посмотрѣть монастырь. Обойдя кругомъ главный храмъ, я пошелъ-было за монастырь посмотрѣть на Новгородъ, но ворота монастырскія уже были заперты. Я вернулся назадъ и, встрѣтившись съ Кифой, пошелъ къ нему.

Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ, когда мы пришли въ келью. Кифа самъ принялся распоряжаться чаемъ.

Вечеръ прошелъ скоро, тѣмъ-болѣе, что мы легли спать часовъ въ десять.

Ночью, во снѣ, я слышу неясно, какъ-будто кто-то меня будитъ. Нехотя я проснулся, открылъ

глаза и вижу, что передо мною стоитъ послушникъ, а колоколъ уже гудитъ, сзывая монаховъ на молитву.

— Къ утрени не угодно ли? сказалъ послушникъ.

— Такъ рано?...

— Два часа утра.

Не хотѣлось мнѣ вставать, я бы еще съ удовольствіемъ заснулъ; но нѣчего было дѣлать — нужно было привыкать къ новой службѣ.

Послѣ обѣда, когда я пришелъ къ намѣстнику, онъ сказалъ мнѣ, подавая подрясникъ.

— Надѣвайте здѣсь безъ церемоніи; мнѣ надобно посмотрѣть впору ли вамъ будетъ новое платье

Я одѣлся, взглянулъ на себя въ зеркало — и невольная слеза выкатилась изъ глазъ моихъ.

Кифа такъ былъ догадливъ, что показалъ видъ, будто не замѣтилъ злодѣйки-слезы, обличавшей мое малодушіе.

Потомъ намѣстникъ проводилъ меня въ назначенную мнѣ келью, которая состояла изъ одной комнаты, очень-бѣдно меблированной.

Объяснивъ мнѣ, что за чистотой и порядкомъ кельи я долженъ самъ наблюдать, что мнѣ прислуж-

ника не будетъ дано, и пожелавъ мнѣ мира и спасенія, онъ оставилъ меня одного.

Я остался одинъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Со мной не было не только роднаго или близкаго друга, ни даже знакомаго человѣка. Одинъ самъ съ собой! Разумѣется, такое положеніе заставило меня обратить вниманіе на самого себя, заглянуть себѣ въ душу. Давно я не дѣлалъ этого, съ-тѣхъ-поръ, какъ слово «подкидышъ» заставило меня въ первый разъ обратить на себя вниманіе. Но тогда я еще выше и благороднѣе представлялся самому себѣ. Пустота жизни и грѣхи юности тогда только и представлялись мнѣ; а теперь?... Погибшій, вслѣдствіе безсмысленной моей жизни, погубившій все, что было во мнѣ добраго, постыдною наклонностью къ винѣ—я сдѣлался отвратителенъ самому-себѣ. Припоминая свою жизнь, я вздрагивалъ съ тѣмъ чувствомъ отвращенія къ себѣ, которое непріятно поражаетъ насъ, когда глазамъ нашимъ представляется какая-нибудь гадина. Желаніе исправиться явилось во мнѣ; оно было искренно, тѣмъ-

болѣе, что въ рукахъ моихъ теперь были всѣ средства.

Двѣ недѣли я прожилъ какъ-нельзя-лучше; къ службѣ — хотя мнѣ было и тяжело, привыкалъ. Бралъ читать книги духовнаго содержанія, но читалъ болѣе для того, чтобъ убить время и оборониться отъ скуки.

Впрочемъ, скоро забылъ я объ искреннемъ желаніи исправиться и вкусилъ запрещеннаго плода. На первый разъ я поступилъ тихо и скромно, сказался больнымъ, и этотъ разъ сошло все благополучно; мнѣ казалось, что я ловко обманулъ бдительность старшихъ. Во второй разъ я уже былъ менѣе-скроменъ, но и этотъ разъ сошелъ съ рукъ долой. «Э! думаю, да дѣло пошло лихо, бояться нечего», и я развернулся, вспомнилъ походную свою жизнь и потѣшилъ монаховъ военными шуточками. Меня, добраго молодца, на первый разъ арестовали въ собственной кельѣ, а на утро потребовалъ къ себѣ архимандритъ.

Робко было явиться къ нему на судъ, но дѣлать было нечего—надобно было покориться неизбѣжной участи. Съ трепетнымъ сердцемъ явил-

ся я къ отцу Фотію. Долго читалъ мнѣ наставленія Фотій и, надо отдать ему справедливость, много онъ говорилъ мнѣ дѣльнаго и съ чувствомъ. Слезы прошибли меня и послужили мнѣ на этотъ разъ спасеніемъ. Фотій принялъ ихъ за плоды чистосердечнаго раскаянія и отпустилъ меня.

Самолюбіе мое было оскорблено: мнѣ дѣлалъ наставленіе Фотій въ присутствіи старшей братіи монастыря и очень-нецеремонно. «Какъ! (думалъ я, идучи отъ Фотія) смѣютъ трактовать меня, какъ какого-нибудь пришлеца? Развѣ не знаютъ они, кто былъ Шумскій въ оное время? Можно ли такъ безцеремонно обращаться съ бывшимъ офицеромъ?» Конечно, я въ это время имъ не былъ, но все же бывалъ имъ, да и теперь я все-таки отставной поручикъ, а не кто-нибудь. Горе взяло меня, и я, чтобъ размаять тоску, выпилъ; пьяному мнѣ еще болѣе показалось оскорбительнымъ обращеніе со мною. Взволнованный сдѣланнымъ мнѣ оскорбленіемъ, я поднялъ гвалдъ на весь монастырь. Меня хотѣли безъ церемоніи отправить въ карцеръ, прислали двухъ отставныхъ солдатъ, чтобъ взять меня—но не тутъ-то было.

«Какъ вы смѣете оскорблять поручика?» крикнулъ я и, чтобъ доказать свои права, ближайшему ко мнѣ далъ пощечину. Военная дисциплина не помогла: меня скрутили и посадили въ карцеръ на три дня, на хлѣбъ и на воду. Съ-этихъ-поръ жизнь моя пошла въ монастырѣ очень-непригожа. Я маялся и болѣе жилъ въ карцерѣ, чѣмъ въ своей кельѣ. Меня ничто не могло исправить—ни наставленія, ни строгія мѣры. Надобно замѣтить, что я для монастыря былъ человѣкъ лишній и даже вредный; но меня не выгоняли, можетъ-быть, изъ уваженія къ А***, который просилъ поддержать меня въ монастырѣ.

VIII.

Два года я промаялся въ монастырѣ. Наконецъ А*** умеръ, и я, получивъ полную свободу, возвратился на родину.

Не лучше прошли эти два года и для А***. Оставленный всѣми и забытый, безъ друзей и близкихъ, онъ изнывалъ въ своемъ одиночествѣ. Скрытый недугъ быстро подтачивалъ жизнь его, и вотъ, почти-нежданно онъ сошелся лицемъ-къ-лицу съ своею смертью. Еще девятнадцатаго апрѣля онъ былъ бодръ, ходилъ и распоряжался; двадцатаго силы ему измѣнили, и двадцать-перваго онъ уже былъ убѣжденъ въ своей смерти. Не хотѣлось ему умереть; онъ просилъ и умолялъ доктора, чтобъ отсрочилъ хотя на короткое время смерть; ему хотѣлось пожить хоть одни сутки—но смерть была неумолима.

А*** умеръ на чужихъ рукахъ: не нашлось ни одного родственника закрыть глаза умиравшему.

Пришедши на родину, я удивился перемѣнѣ, какую нашелъ. При всемъ стараніи начальствовавшихъ строго держаться прежнихъ порядковъ, она уже имѣла другую, праздничную физіономію. Жители оживились, съ веселымъ и беззаботнымъ лицомъ они безпечно распѣвали пѣсни и попивали винцо—запрещенный плодъ при покойномъ владѣльцѣ. Мало-по-малу они стали уклоняться отъ заведеннаго прежде порядка и обращаться къ прежнимъ своимъ привычкамъ.

Годъ цѣлый я прожилъ у вотчиннаго головы Шишкина въ качествѣ учителя дѣтей. Съ матерью своею и родственниками я часто видѣлся; они жили въ деревнѣ Пролетѣ, верстахъ въ двѣнадцати отъ села, гдѣ жилъ голова. Не могу похвастать, чтобъ для меня прошло пріятно это время. Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не прильнетъ. Какъ барину, мнѣ несовсѣмъ-ловко и охотно было екшаться съ мужиками, да и они смотрѣли на меня какъ-то неблагосклонно. Правда, я выпивалъ съ ними вмѣстѣ и разговаривалъ; но не было между нами согласія дружескаго, какое водится между равными товарищами. Нѣтъ, мнѣ уже не

суждено, видно, въ жизни встрѣтить искреннее участіе!

Меня противъ воли снова возвратили въ Юрьевъ Монастырь, гдѣ моему возвращенію не очень обрадовались. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, меня сжили съ рукъ въ Отенскій Монастырь. Не буду вамъ разсказывать, какъ я проводилъ время въ этомъ монастырѣ. Обыкновенно я ходилъ въ церковь и ничего болѣе не дѣлалъ; при первой возможности напивался и буянилъ; меня вязали, и я тогда спокойно засыпàлъ; на другой день повторялось то же. Наконецъ я такъ надоѣлъ, что не стало болѣе силъ держать меня, и вотъ спровадили меня въ Дымскій Монастырь, а оттуда я уже не знаю куда еще пошлютъ меня и гдѣ преклоню свою голову.

Такъ кончилъ разсказъ свой Шумскій. Онъ прожилъ у меня цѣлую недѣлю; много разъ я съ нимъ разговаривалъ о неприличіи его поведенія, о пагубѣ его грѣховной жизни. Онъ соглашался со мною, раскаявался и, со слезами на глазахъ, давалъ мнѣ обѣщаніе исправиться. Но я не вѣрю его обѣтамъ: ему трудно исправиться—характеръ

его слабъ, и ему не побороть искушенія. Развѣ только онъ попадетъ въ строгія руки благоразумнаго наставника, который непрестанно будетъ заботиться о немъ и наблюдать за всѣми его мыслями и поступками.

Вотъ вамъ жизнь несчастнаго, котораго насильно вырвали изъ его роднаго состоянія, чтобъ сдѣлать наслѣдникомъ человѣка, котораго имя должно было погибнуть на землѣ! А*** въ старости, когда люди, въ награду за добрыя дѣла свои наслаждаются мирно плодами ихъ въ кругу родной семьи—одинъ, брошеный всѣми, дѣлается свидѣтелемъ погибели всѣхъ дѣлъ своихъ, которыми онъ думалъ увѣковѣчить свое имя, и, терзаемый муками оскорбленнаго самолюбія, умираетъ на чужихъ рукахъ. Двадцать лѣтъ прошло послѣ смерти А***—и въ эти двадцать лѣтъ погибло все, что̀ хотѣлъ создать онъ. Мужики обратились совершенно къ первобытному своему состоянію; домы, построенные на иностранный манеръ, или совсѣмъ передѣланы на русскій ладъ, или искажены до уродливости; дороги нѣкоторыя совсѣмъ заброшены и размываются водою, а ко-

2D

торыя остались, тѣ въ жалкомъ положеніи: онѣ заросли снова кустарникомъ; словомъ, все гибнетъ, какъ-будто какой-то невидимый врагъ старается истребить память А*** вмѣстѣ съ его дѣлами.

— А гдѣ же теперь Шумскій? спросилъ я.

Изъ Дымскато Монастыря перевели его въ Соловецкій. Тамъ, какъ и вездѣ, сначала онъ повелъ себя примѣрно, нашелъ даже себѣ дѣло: занялся крѣпостной артиллеріею монастырской, привелъ ее въ порядокъ и смотрѣлъ за ней. Его полюбили тамъ, сдѣлали даже письмоводителемъ; но онъ не могъ оставить несчастной своей склонности къ вину. Его перевели въ одинъ изъ скитовъ монастыря, гдѣ онъ, подъ строгимъ надзоромъ, велъ себя хорошо, какъ говорятъ видѣвшіе его наши богомольцы.

Въ 1857 году я узналъ отъ странника, что Шумскій умеръ. Онъ до конца жизни получалъ триста рублей пенсіи; въ послѣдніе годы своей жизни онъ всѣ деньги свои раздавалъ братіи и неимущимъ, а самъ велъ очень-суровую и строгую жизнь... ***.

LIBRARY OF CONGRESS
00018994392